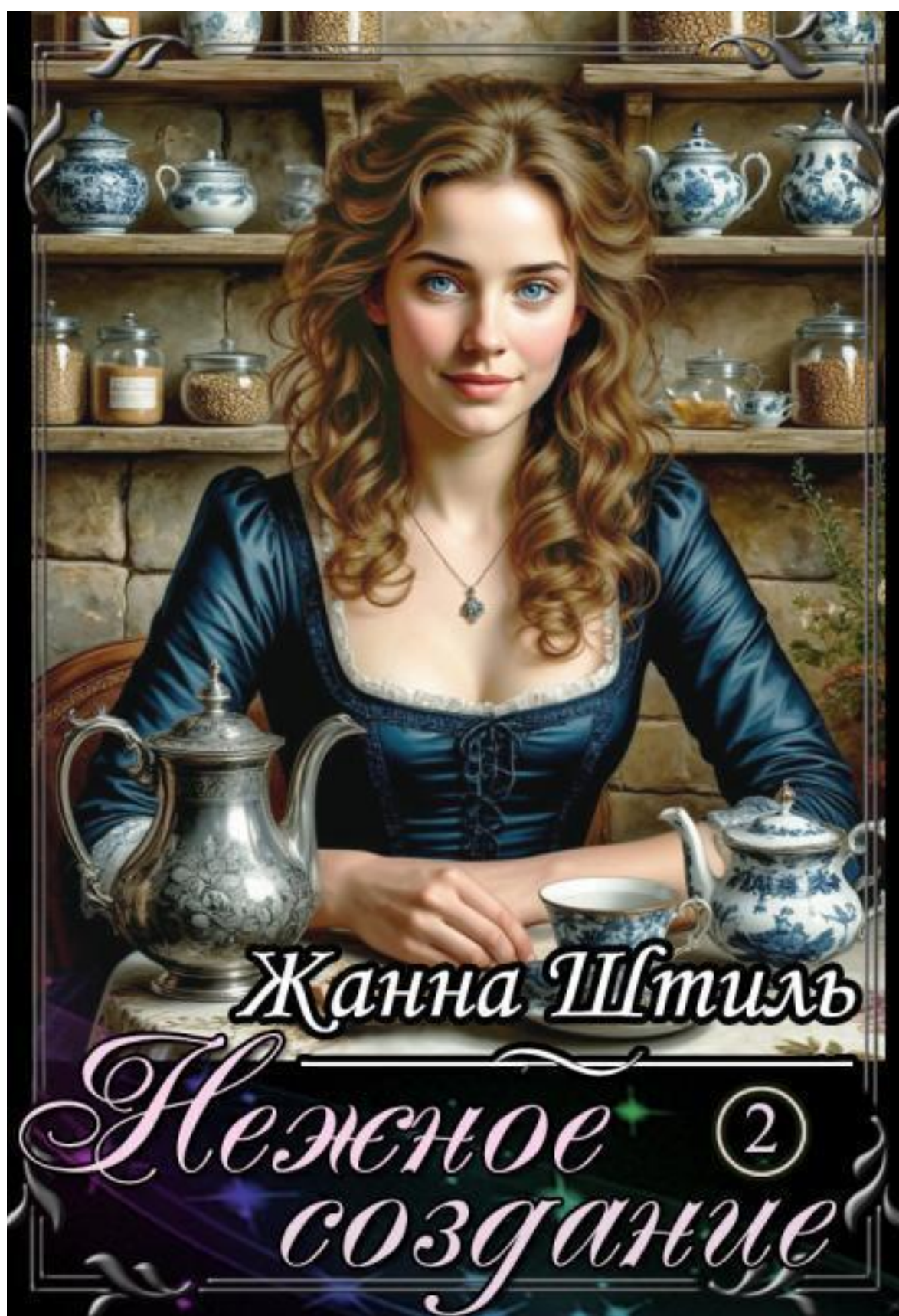

Жанна Штиль

Нежное
создание ②

Жанна Штиль

Нежное создание. Книга вторая

«Литнет»

2024

Штиль Ж.

Нежное создание. Книга вторая / Ж. Штиль — «Литнет», 2024

Ника выстояла и сумела повернуть непростую ситуацию в свою сторону. Теперь ей предстоит открыть и наладить собственный бизнес. Казалось бы, самое сложное позади, но неожиданно о себе напоминают призраки прошлых преступных деяний, свершённых обладательницей нежного тела. Под угрозой оказывается не только бизнес, но и жизнь Ники. ● Дилогия. Книга вторая. ❖—●—❖ Первая книга здесь: В истории есть: ► Нидерланды, 17 век; ► благородный главный герой; ► смелая и находчивая героиня; ► притворство как способ защиты; ► любовь с правом на ошибку; ► бытовое фэнтези; ► беспокойный питомец; ► непредсказуемые повороты сюжета; ► иллюстрации, поясняющие текст (главы с ними отмечены*). Все мои книги здесь / Подписаться на автора:

© Штиль Ж., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава 1*	5
Глава 2*	9
Глава 3	13
Глава 4*	17
Глава 5*	23
Глава 6	28
Глава 7*	33
Глава 8*	38
Глава 9*	44
Глава 10*	50
Глава 11*	55
Глава 12*	61
Глава 13**	67
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Глава 1*

— А почему пряник нельзя отведать сейчас?

Хенни вытирала руки, с алчным блеском в глазах поглядывая на кулинарное изделие прямоугольной формы.

— Потому что торт должен пропитаться. Тогда он станет нежным и воздушным в отличие от пряника, — нравоучительно пояснила Ника, в который раз выделив ударением слово «торт».

Хоть она объяснила служанке разницу между медовым пряником и медовиком с многочисленными тончайшими коржами, пропитанными сметанным кремом, та упрямо продолжала называть торт слоёным пряником.

Ника любовалась творением своих рук:

— Когда начнётся ягодный сезон, станем украшать медовик ягодами и листиками мяты, засахарим подходящие цветы. Будет очень красиво, — ровняла на верхнем слое посыпку.

Служанка не отозвалась. С задумчивым интересом она следила за руками молодой госпожи, которая неторопливо говорила:

— Цветами можно не только любоваться, но и есть их. Для засахаривания идеально подойдут фиалки, анютины глазки, розы, цветки овощей, пряных трав. Хенни, ты знаешь, как засахарить цветы?

Служанка шумно сглотнула:

— Я не коза, чтобы есть цветы, — вытерла губы полкой передника.

— Поживём — увидим, — усмехнулась Ника. — Ничего сложного и страшного в засахаривании нет. Для этого нужны всего лишь белок яйца, сахар и сахарная пудра. Цветы промываем, сушим. Белок взбиваем с сахаром и кисточкой покрываем лепестки или бутоны, обсыпая сахарной пудрой, высушиваем. Всё.

— Всё? — глаза у Хенни стали размером с блюдце.

Ника кивнула:

— Пользуйся моей добротой и мотай новые знания на ус. — С задумчивой грустью проговорила: — Когда я была маленькая, то ела цветки сирени.

— Зачем?

— У цветков сирени сколько лепестков? — Не дожидаясь ответа открывшей рот служанки, ответила: — Четыре. Но есть цветки с пятью лепестками. Редко, но есть. Если найти такой, загадать желание и съесть цветок, то оно исполнится.

— Ваше желание исполнилось?

— Не помню, — усмехнулась Ника. — Сейчас я не ем цветки сирени. Впрочем, их тоже можно засахарить.

Хенни тяжело вздохнула:

— Моё желание никогда не сбудется, хоть объешь все кусты сирени в Зволле.

— Надо верить в лучшее, — подбодрила её девушка. — Много зависит от того, насколько задуманное благоразумно и сколько усилий ты приложишь для его исполнения.

Вечерело.

Ника поглядывала в окно на сгущавшиеся сумерки. Гадала: придёт Ван дер Меер или нет? Может быть, он уехал по служебным делам?

«Почему не предупредил?» — тут же отреагировало подсознание на подброшенную догадку.

Девушка вздохнула: «Кто ты ему, чтобы тебя предупреждать?». Смотрела, как Хенни зажигает свечи:

— В следующий раз сделаем медовик круглой формы, вырежем из картона трафарет* и украсим торт порошком какао, сахарной пудрой, поджаренными измельчёнными орехами. Знаешь, что такое трафарет?

— Не знаю, — вскинула глаза служанка.

— Долго объяснять. Увидишь, — пообещала Ника.

Подумала, что медовик можно украсить не только разнообразной посыпкой и засахаренными цветами. Если освоить приготовление масляного крема на сахарной пудре, то кондитерской гребёнкой можно сделать на поверхности торта ровные и волнистые линии, сетку, написать что-нибудь корнетиком* или разрисовать завитушками.

Ника вспомнила и записала в рецепт, как придать крему разные цвета при помощи сока свёклы, моркови, краснокочанной капусты, вишни, чёрной смородины, граната, куркумы, порошка мяты. Знала, что есть творожный крем, но, как ни старалась, не могла восстановить в памяти, что входит в его состав кроме сахарной пудры, творога и сливочного масла. Немного варенья? Надо экспериментировать.

— И этот слоёный пряник мы будем продавать? — вторглась в ход её мыслей Хенни.

— Разрежем на пирожные и да, будем продавать.

— Дорого, поди? А как узнаем стоимость кусочка?

— Высчитаем. Мы знаем, сколько и каких продуктов пошло на изготовление одного торта, знаем стоимость этих продуктов. Так?

Служанка кивнула, и Ника продолжила:

— Сложим стоимость продуктов и узнаем цену медовика. Поделим её на количество разрезанных частей, и высчитаем стоимость одной части. Умножим на два. Или на три.

— Дорого получится?

— Посмотрим. Не дороже денег, — улыбнулась Ника. — Торт — это маленький праздник, своего рода удовольствие. А за удовольствие нужно платить.

— Как складно вы говорите, — облизнулась Хенни, подбирая обрезки коржей с разделочной доски. — А этот пряник мы съедим бесплатно?

— И угостим всех причастных.

— И Гуго?

— Гуго в первую очередь, — рассмеялась Ника. — Он у нас самый ценный работник мужского пола. Хенни, — понизила она голос, оглядываясь на дверь, — не знаешь, как переманить Гуго к нам на постоянную работу? Он тебе не говорил, сколько платит ему Ван дер Меер?

— Ах, как было бы хорошо, — загорелись глаза у служанки. — Я спрошу, — пообещала она.

— Хенни, сколько я тебя буду ждать?

Шурша юбкой чёрного траурного платья, в кухню вошла госпожа Маргрит. Недовольно поглядывая на служанку, остановилась у разделочного стола:

— В последнее время ты плохо исполняешь свои обязанности. Пол в моём покое не метёный, перина и подушки не взбиты, слежались. Сегодня всю ночь не спала, спина болит. Напомни-ка мне, какое жалованье я тебе плачу? — мама повысила голос, недобро поглядывая на дочь.

Хенни отступила от стола и опустила глаза.

Ника вздёрнула подбородок:

— Насколько я знаю, вы ей не заплатили жалованье за прошлый месяц, хотя графин она разбила в этом месяце. Разумеется, вы вправе удержать за причинённый ущерб, но не более половины жалованья.

— Она живёт на всём готовом, — фыркнула госпожа Маргрит, скользя глазами по горе немытой посуды и беспорядку на разделочном столе. — С тех пор, как ты занялась обустройством кофейни, прислуга совсем распустилась. Не пора ли мне её сменить?

Служанка сдавлено ахнула и отступила в тень.

Ника довольно улыбнулась:

— Смените, буду рада. Хенни, пойдёшь работать в кофейню шеф-поваром? Жалованье положу шесть гульденов. В помощь тебе найму подсобницу, которую выберешь сама.

— Мне? Подсобницу? — послышалось едва слышное, нерешительное.

— Пока она не выплатит стоимость графина, никуда не уйдёт, — заявила госпожа Маргрит. Назидательно подняла указательный палец: — Графин с двенадцатью стаканами был изготовлен из горного хрусталя и доставлен из самой Моравии! Замечу, что графин редчайшей красоты с тончайшей нарезной росписью! Теперь набора нет!

Ника не выдержала:

— Произведения искусства держат в буфете под замком и только любуются ими, и ни в коей мере не пользуются. Сколько ты должна? — повернулась к служанке.

— Много, — проямлила Хенни со слезами в голосе.

— Я отдам за тебя долг сегодня же, а с тебя каждый месяц буду удерживать из жалованья два гульдена до полного погашения долга уже мне. Согласна?

Хенни молчала, глядя на госпожу Маргрит.

Не спуская глаз с матери, Ника добавила:

— Будешь жить в той каморе, которую выбрала. Аренду я плачу с компаньоном за весь первый этаж, поэтому жильё останется за тобой до тех пор, пока ты будешь работать в кофейне.

Мама смотрела на дочь, кривя губы и сверкая глазами:

— Мою столовую посуду снесёте в кладовую, что под лестницей. Ключ отдашь мне.

— Хорошо, — не отпускала её взора Ника. Уточнила: — Кухонной утварью позволите пользоваться безвозмездно или мне купить свою?

Хозяйка дома ответила не сразу. Выдохнув и немного расслабившись, снисходительно уступила:

— Пользуйтесь. Если что-то разобьёте или поломаете, восполните. — Сузив глаза, с едва заметной улыбкой проговорила: — Налог за дом и землю станем оплачивать пополам.

— Почему? — вскинула брови Ника. — Я плачу за аренду первого этажа. За приведение в порядок заднего двора садовнику тоже заплатила я. Вторым этажом не пользуюсь.

— На третьем этаже ты заняла два покоя.

— Два из четырёх, — сдерживала учатившееся дыхание. — Два оставшихся по площади в два раза больше двух занятых мной. Я оплачу лишь эту часть налога. Насколько мне известно, в плату за аренду первого этажа уже включены все причитающиеся налоги.

Ника разволновалась. Ей никогда не приходило в голову, что дойдёт до такого! Делить с матерью квадратные метры и оплату налогов? Впрочем, удивляться нечему. Вопросом оплаты налогов двух земельных участков, домов и склада всегда занимался покойный Якубус. Где он брал деньги, знали и мать, и дочь. Если у Ники будут средства для оплаты аренды, то где их теперь возьмёт госпожа Маргрит?

— Я полностью оплатила уборку дома, — мама решила выяснить отношения с дочерью до конца.

Ника утвердительно кивнула и сложила руки под грудь:

— Как и положено владельцу недвижимости перед сдачей дома или его части в аренду, — почувствовала нараставшую неуверенность заёрзавшей на сиденье стула госпожи Маргрит.

Женщина сникла и вздохнула:

— Пустой спор, — прошла к небольшому столу, за которым семья принимала пищу, и принялась убирать с него чистую посуду в буфет. — У меня всё равно недостаёт денег на уплату налогов в полной мере. Видно, и сюда скоро придут сборщики налогов, чтобы описать часть имущества.

Ника села за стол:

— Значит, вам следует подумать, чем заняться, чтобы этого не случилось. На мне лежит ответственность за возвращение долга Ван дер Мееру. Взять на себя ещё и полную уплату налогов по дому я не смогу.

Избегая смотреть на дочь, мама переставляла в буфете тарелки. Молчала, поджав губы.

Девушка вздохнула:

— Я забираю у вас Хенни. Она не справится и с готовкой блюд для кофейни, и с уборкой третьего этажа, и со стиркой.

— Я справлюсь, — раздался робкий голос за их спинами.

— Не справишься, — не поворачиваясь, ответила Ника. — Даже обсуждать это не буду. Хочешь остаться прислугой у госпожи Маргрит, оставайся. Я пойму. Выбор за тобой.

— Хенни, что скажешь? — мама села напротив дочери и просительным взглядом уставилась на служанку. — За разбитый графин я стану удерживать из твоего жалованья... — прочистила горло деликатным покашливанием, — частями.

Хенни шмыгнула носом и плаксиво прогудела:

— Выходит, на кухне появится чужая кухарка, и я никогда не узнаю, как засахаривать цветы и... много чего другого?

Воцарилось молчание.

Слышалось лишь надрывное дыхание Хенни, теребившей в руках полотенце да лай соседской собаки.

Ника подняла глаза к потолку: «Господи, эта псина когда-нибудь заткнётся? Видно, придётся нанести дружеский визит соседям и выяснить, почему их собака ведёт себя неадекватно».

— Госпожа Маргрит, — тихо заговорила Хенни. — Я люблю вас всей душой, но... — замолчала, учащённо засопела.

Хозяйка дома поспешно отставила подсвечник:

— Не продолжай, не в чужую семью уходишь. Готовить хоть будешь для меня?

— Буду, буду. Для всех буду, — обрадовано засуетилась Хенни, отбегая к камину, хлопотливо поднимая с горячей подставки утятницу с тушёным мясом и овощами. — Вечерять пора.

Ника довольно потёрла ладони:

— Ладно, по такому случаю, медовик отведаем уже сейчас, — от предвкушения рот наполнился слюной.

— Сначала повечеряем, пряник после, — во весь рот улыбалась Хенни. — Как же я всех вас люблю!

На стук отворившейся двери, женщины повернули головы.

В дверном проёме остановился Ван дер Меер. Держа перед собой накрытый полотном большой плетёный короб, укоризненно покачал головой:

Оставив трость у стены, перехватил ношу удобнее и строго спросил:

— Почему не горит свеча в коридоре? Меня не ждали?

* *Трафарет* — заготовка для воспроизведения изображения или надписи

* *Корнетик* — бумажная конусная трубка со срезанным концом, при помощи которой отсаживают крем на поверхность торта

* *Засахаренные цветы*

Глава 2*

Женщины переглянулись.

— Забыла, — прошептала Хенни.

— Не убился же, — улыбнулась Ника.

Кэптен выглядел бодрым; глаза светились весельем.

— Поешь с нами? — госпожа Маргрит забрала утятницу из рук растерявшейся прислуги.

Ван дер Меер поставил короб на стул:

— Поем. Но сначала...

Он снял полотно с короба и указал кивком в его тёмную глубину:

— Для тебя, Руз... кхм... собеседник.

Девушка подошла к нему с опаской и осторожно заглянула в плетёную ёмкость. Следом подошли госпожа Маргрит и Хенни. Оттеснив гостя, обступили стул.

На дне короба сидела крупная птица с закрытыми глазами — пепельно-серая, с красным хвостом.

Ника угадала в ней попугая. Удивилась:

— *Жако?* — не знала, как реагировать на необычный подарок. — Для меня?

— Якоу, — поправил Кэптен. — Ты же сказала, что тебе поговорить не с кем. Вот, разговаривайте. Утром принесу клетку и насест.

Ника рассмеялась:

— Он умеет разговаривать?

— Заверили, что умеет.

Птица встрепенулась, открыла глаза и наклонила голову набок, всматриваясь в склонившихся над ней людей.

— А потрогать его можно? — спросила Хенни, протягивая руку, касаясь попугая. — Чем его кормить?

Когда птица в коробе зашуршала, расправляя крылья, госпожа Маргрит отпрянула:

— Он не будет клеваться и летать по дому?

Ван дер Меер достал жако и посадил на спинку стула:

— Большую часть времени он проводит на насесте.

— Смотрите, на ноге цепочка, — заметила Хенни. — И кормушки есть, — достала мисочки. — Почему три?

— Для воды, сухих смесей и фруктов, — догадалась Ника. — Это самец или самка?

— Заверили, что самец. Жакуй, — мужчина улыбнулся, довольный произведённым эффектом.

Попугай сидел неподвижно, выглядел напряжённым и испуганным.

Ника осторожно погладила его по шелковистым перьям спинки:

— Кажется, он ошарашен. — Быстро поправилась: — Эмм... сменил привычную обстановку, вокруг чужие лица, голоса и всё такое. Бедненький Жакуй, — зацокала языком, выражая жалость.

— Обвыкнется, — заверил Кэптен, ставя стул к столу. — Оставьте его на время в покое.

— Он не заразный? — спросила Хенни, отступая от пернатого, косясь на госпожу Маргрит. — Почесухи от него не будет?

Ника вспомнила, что у мамы проявляется аллергия на шерсть кошек и собак. Возможно, появятся типичные симптомы и после общения с птицей.

— Всё, садитесь за стол. Мясо остывает, — госпожа Маргрит загремела тарелками и привычно скомандовала: — Хенни, не стой столпом! Шевелись!

— Пива хочешь? Холодное, — предложила Ника мужчине.

— Не откажусь, — сел тот за стол.

Жако полностью завладел вниманием домочадцев.

Ника поглядывала на него с недоверием. У неё никогда не было домашних питомцев, но она знала, что с котёнком или шенком справилась бы без проблем. Но птица?.. Причём попугай, о повадках которых она знала лишь в общих чертах. Подумала, что охотнее приняла бы в качестве живого подарка котёнка от пушистой дымчатой кошки, жившей в доме Кэптена.

— Значит, таким необычным способом ты решил вопрос с кругом моего общения? — спросила она у Ван дер Меера, не понимая причину своего внезапного раздражения. — Думаешь, он станет хорошим собеседником? Сколько слов он знает?

— Обучишь его тем словам, которые захочешь от него услышать, — не отрываясь от еды, заметил Адриан, с аппетитом поедая тушёное мясо с овощами.

— Осмысленного диалога между нами уж точно не выйдет, — Ника скептически посмотрела на небольшой чёрный загнутый клюв попугая. — Жакуй будет выдёргивать из своей памяти заученные слова и говорить невпопад, когда ему заблагорассудится. Так себе собеседник. Попка-дурак, — вздохнула разочарованно.

Попугай нахохлился и щёлкнул языком.

— Напрасно наговариваешь на Жакуя, — заступился за птицу Ван дер Меер. — Якоу лучшие имитаторы из всех птиц. Умеют с точностью повторять не только слова и короткие предложения, но и напевать мелодии. Кроме того, попугаи способны повторить мяуканье кошки, скрип пола, смех, — улыбнулся пернатому.

В подтверждение его слов жако встряхнулся на спинке стула, вытянулся и пронзительно по-детски взвизгнул.

Ника поморщилась, а Кэптен кивком указал на птицу и с улыбкой сказал:

— Жакуй возмущён твоим отзывом о нём. Верно, Жакуй?

Девушка нахмурилась:

— Откуда ты знаешь?

— Вижу. Некоторое время приходилось общаться с какоту.

«Какаду», — тотчас перевела Ника, внимательно слушая Ван дер Меера.

— Якоу значительно спокойнее и дружелюбнее какоту, — говорил тот. — Прозвучит странно, но они понимают нас и вполне осознанно с нами разговаривают.

Ника не ответила. Слушала неторопливый, бархатный, обволакивающий сознание голос компаньона. После трапезы следует поговорить с мужчиной о заказе подоконников и двух досок-холстов для задуманных картин. А вот где раздобыть денег на личные карманные расходы, она не знала. После того, как отдаст госпоже Маргрит долг Хенни, у неё останется два гульдена.

— Чем его кормить? — спросила Хенни, снимая с крюка в камине закипевший чайник.

Кэптен ответил с видимой охотой:

— Всевозможными орехами, семенами подсолнечника, тыквенными семечками. Давать немного сухофруктов, морковь, фрукты, проросшие зёрна, сыр, творог, чуть-чуть мяса. Кроме того, ему следует регулярно предлагать веточки плодового дерева. Прежний хозяин упомянул, что Жакуй любит грецкие орехи и ему нравится клевать початки кукурузы.

— Я тоже люблю грецкие орехи, — сказала Хенни, разгребая угли, подготавливая две жаровни для согревания постели.

Госпожа Маргрит задумчиво поглядывала то на гостя, то на дочь.

— Роскошное меню для экзотической птички, — иронично заметила Ника.

— Если не хочешь Жакуя, то я его унесу, — удручённо пожал плечом Кэптен.

— Вернёшь хозяину? — подозрительно шурясь, уточнила девушка.

— Возвращать его нельзя.

— Обижают?

— Подарю кому-нибудь, — ушёл от ответа Ван дер Меер.

— Я заберу его себе, — вмешалась госпожа Маргрит, собирая со стола посуду. — Позволишь, Адриан? Уж кому в этом доме недостаёт приятного общения, так это мне. Мы с тобой поладим, — подошла она к птице, заглядывая в её немигающие глаза. Перевела взор на медовик: — Хенни, чай настоялся?

Служанка поставила чашки, передвинула на середину стола слоёный пряник, полюбовалась им и взялась за нож. Горделиво сообщила Ван дер Мееру:

— Госпожа Руз приготовили. Самолично.

— Тот самый обещанный медовик, — поддакнула Ника.

Жако щёлкнул языком. Завладев вниманием присутствующих, с превосходством осмотрел одного за другим. Остановив глаза на госпоже Маргрит, сухим металлическим голосом громко заявил:

— Жакуй хочет пить, — встопорщив перья на шее, издал булькающий звук. — Женщина, налей мне пива. Пинту. Шевелись.

От неожиданности у мамы выпала ложечка из пальцев:

— Это он мне сказал?

— Вау, — восхищённо прошептала Ника, глядя на птицу во все глаза.

Ван дер Меер улыбнулся:

— Меня не обманули. Жакуй говорит.

Хенни торопливо перекрестилась:

— Я слышала о говорящих попугаях, но голос у него... — перекрестилась повторно. — Услышишь в ночи — Господу душу отдашь.

Жакуй повернулся к служанке, подцепил клювом цепочку на ноге, подёргал и басовито, очевидно, копируя голос прежнего хозяина, прокричал:

— Бестолочь!.. Фьюи-ить! — залился сигнальным свистком. — Свистать всех наверх!

Ника рассмеялась:

— Мелкий сквернослов! Кэптен, ты подарил мне ужасного собеседника. Его бывший владелец явно не из благородных морских офицеров.

— Перевоспитаете, — улыбнулся тот.

— Дохлый номер, — хмыкнула Ника. — Его легче съесть, чем перевоспитать.

— Гарпун тебе в глотку! — тут же отреагировал попугай.

В одно мгновение он взмахнул крыльями и, звеня волочившейся по столу тонкой цепочкой, перелетел к тарелке мамы с медовиком.

Госпожа Маргрит в испуге отпрянула, а Ника хлопнула в ладоши:

— Кыш, гаргуля!

— Лови его, — бросилась Хенни к птице, хватая того за цепочку.

— Не пугай его, бестолочь! — выкрикнула госпожа Маргрит.

Жакуй оказался не из пугливых. Он повернул голову к служанке и угрожающе щёлкнул языком.

Хенни тотчас бросила цепочку и замерла на месте. Прошептала:

— Господи, не птица, а истинный лиходеи. Вот так подлетит и с ходу глаз выключет. Икнуть не успеешь.

Попугай аккуратно полакомился от начатого кусочка торта, благосклонно принимая ласку госпожи Маргрит.

— Ешь, Жакуй, ешь, — угодливо приговаривая, гладила она его по спинке. — Не слушай никого, ешь. Вкусно?

— Ирод в перьях, — пробурчала Хенни, отступая задом к камину.

Ван дер Меер встал:

— Пожалуй, я его заберу.

— Оставь, пусть ест, — госпожа Маргрит пододвинула попугаю тарелку с остатками мяса и овощей.

Ника поднялась:

— Пока птичка ест, мы с компаньоном поднимемся в мою комнату и поговорим. Медовик и чай принесёт Хенни. Слышишь, Хенни?

Служанка кивнула, не спуская настороженных глаз с пернатого сквернословия.

** Жако, или серый попугай. Длина птицы 30 — 35 см, размах крыльев 65 см. Имеет интеллект четырёхлетнего ребёнка, идеально копирует человеческую речь*

Франс ван Мирис-старший (1635 — 1681) — нидерландский художник, мастер портретной, исторической и жанровой живописи

Картина «Дама с попугаем», 1663 год

Джейкоб Франс ван дер Мерк (1610 — 1664) — нидерландский художник, писал портреты, жанровые сцены, натюрморты

Картина «Натюрморт с попугаями и фруктами», 1640 год

Глава 3

Ника шла впереди, освещая лестницу.

Позади, стуча тростью, шёл Адриан.

— Завтра после полудня доставят мебель, — сказал он.

Девушка слегка повернула к нему голову:

— Также из швейной мастерской принесут накладки, чехлы и салфетки. Надо заказать подоконники и... ты не мог бы дать мне немного денег для покупки двух досок для картин? Нарисую и размещу по обе стороны от камина.

— Картины? Руз, у меня нет лишних денег на покупку картин. По твоему настоянию мебель заказана из дорогой древесины, хотя мы могли обойтись более дешёвой.

Кэптен противился изготовлению мебели из дорогих пород дерева, и девушке стоило большого труда убедить его в обратном.

Адриан предупредил, что вырученных денег за серьги не хватает, чтобы покрыть все расходы по обустройству кофейни в равных долях. В лучшем случае доля Ники составит сорок процентов из ста.

Она не возражала, рассчитывая на быструю окупаемость бизнеса. И это при условии, что практически вся кухонная утварь в кухне имелась. Госпожа Маргрит согласилась отдать её в пользование с оговоркой, что Хенни станет готовить еду и для неё.

— Ты не понял, мне нужны только доски. Картины я нарисую сама, — пояснила она.

— Нарисуешь сама? — недоверчиво переспросил Ван дер Меер, следуя за компаньонкой по коридору.

— Это проще, чем кажется на первый взгляд, — не оборачиваясь, обронила Ника, открывая дверь своей комнаты.

— Что за подоконники? Что ещё ты надумала? — с напряжённым ожиданием спросил Ван дер Меер, садясь к столу, на котором царил беспорядок.

Ника поставила подсвечник, покопалась в бумагах, нашла нужный эскиз, показала.

Мужчина вздохнул:

— Без этого можно обойтись.

— Можно, но не нужно, — девушка была готова к возражениям компаньона. — Вот ещё, — подсунула ему эскизы кованой консольной вывески. — Разместить бы её на углу кофейни, чтобы виднелась издали.

Ван дер Меер с неохотой перебрал эскизы и отбросил в сторону:

— Лишнее.

— Кто бы сомневался, — фыркнула Ника недовольно. — Были бы у меня личные деньги, заказала бы вывеску за свой счёт.

— Хорошо, что их у тебя нет.

— Скряга, — пробубнила она, собирая бумаги намеренно небрежно, задевая мужчину, вынуждая его отклониться раз, другой, третий.

— Шестьдесят пять на тридцать пять, — не выдержал Кэптен, хватая её за руку, оставившаяся.

Ника досадливо прикусила нижнюю губу. С каждой крупной покупкой, оплаченной Ван дер Меером, её доля в общем бизнесе уменьшалась.

Мужчина понял её недовольство:

— Руз, не следует заказывать ничего лишнего. Надеюсь, больше крупных вложений не будет. Продукты по твоему списку доставят в срок. Что нужно ещё?

— Осталось купить столовую посуду, — сказала девушка.

— У меня много посуды, которой я не пользуюсь. Сходишь к экономке, выберешь. Я распоряжусь.

— Фарфор или фаянс не подойдут. Посуда в таких заведениях часто бьётся. Нужна недорогая креативная керамика.

— Креативная? — нахмурился Кэптен, услышав незнакомое слово.

— Непривычная, необычная, уникальная, какой ни у кого нет.

Ван дер Меер вздохнул. Собираясь о чём-то сказать, упёрся руками в колени и подался к компаньонке.

Ника остановила его жестом руки:

— Хочу, чтобы наше заведение произвело фурор в Зволле. Тогда от посетителей не будет отбоя. Деньги потекут рекой.

— Ты уверена? — с кривой ухмылкой уточнил мужчина. Не дал ей вставить слово: — Я знаю, как в короткие сроки окупить вложения и выйти на существенную прибыль.

Ника отстранилась и отошла к этажерке, на одной из полок которой лежали ракушки. Догадаться, что имеет в виду компаньон, было несложно.

— Только не вино, — сказала она.

Мужчина утвердительно кивнул:

— Именно вино, причём не худшего качества. Знаю надёжного поставщика.

Девушка упёрлась ладонями в столешницу и приблизила своё лицо к лицу Ван дер Меера:

— Я никогда не соглашусь сделать из кофейни забегаловку. Придумать такое! Рюмочная! — пытала она от возмущения.

— согласишься, — закивал, усмехаясь, Адриан. — Спустя два месяца ты сама придёшь ко мне с предложением торговать вином на розлив. Не теряй время, компаньонка, — мазнул пальцем по кончику её носа.

Ника не успела отпрянуть.

«Нашёл время шутить», — раздула ноздри, тяжело вдохнув воздух; на бледных щеках проступил румянец.

Мужчина улыбнулся:

— Соглашайся.

— Я не стану обслуживать выпивох до полуночи! — хлопнула она ладонями по столу и с расстановкой произнесла: — Я... никогда... не превращусь... в кабатчицу.

— И не надо, — спокойно отреагировал Кэптен. — Вечером за прилавком будет стоять другой продавец.

— Бармен? — спокойнее уточнила Ника, вдруг представив за стойкой крепкого, приличного вида мужчину в форменной одежде. Он и выпивох обслужит, и выставит за дверь забияку.

Ван дер Меер потёр чисто выбритый подбородок:

— Вижу, что ты согласна.

Девушка отрицательно качала головой:

— Никогда.

— Руз, поразмысли как подобает. Только продажа вина на розлив сможет в короткий промежуток времени вернуть вложенные нами средства.

— В насколько короткий? — уточнила Ника.

— Три — пять месяцев, — без колебаний заявил компаньон.

Девушка молчала, сознавая, что и здесь он прав. Ничто так стремительно не окупается, как продажа спиртного. Тяжело вздохнула:

— Остаётся взять в аренду второй этаж, сделать там ремонт, заселить смазливymi девицами лёгкого поведения и — вуаля! — Ника театрально взмахнула руками в пригласительном жесте, широко улыбнулась, закатила глаза, изображая миг блаженства. Продолжать не стала.

Сбросила с лица игривую маску: — Хочешь рюмочную — пожалуйста! Но в другом месте и без меня.

В дверь стукнули — она распахнулась. Вошла Хенни:

— Ваш чай, хозяйка, со слоёным пряником, — внесла поднос.

— Как ведёт себя Жакуй? — спросила Ника, выставя на стол лакомство.

— Госпожа Маргрит его кормят.

— Он ест медовик? — удивилась Ника. — Ему же нельзя. В его меню мучные изделия не заявлены.

— Хватает всё подряд, — с воодушевлением продолжила Хенни. — Сейчас ест мясо с овощами. Так смешно смотреть, — захихикала она. — Отщипывает по маленькому кусочку, катает на языке и глотает.

— Ругается?

— Молчит. Рот же занят.

— Вот, — Ника подняла палец, копируя жест мамы. — Еда — единственный действенный способ заткнуть клюв болтливой птице.

— Я верно понял, что Жакуй нашёл новый дом? Он остаётся? — спросил Кэптен.

— Остаётся, — заторопилась Хенни к выходу. — Госпожа Маргрит с ним договорились. Только, господин Ван дер Меер, я не поняла, спать ему надлежит в коробе или оставить сидеть на спинке стула? Я цепочку привяжу, чтоб в камин ненароком не залетел.

— Посадите его в короб. Так будет надёжнее.

Хенни ушла, предупредив, что в коридоре на стене оставила горящую свечу.

Ника вздохнула:

— Надеюсь, у мамы не будет почесухи. — На вопросительный взор компаньона, пояснила: — У неё на шерсть котов и собак повышенная чувствительность. Не хочется, чтобы и птицы вошли в чёрный список.

— Вкусно, — Адриан указал глазами на медовик. — Я не слишком люблю сладкое, но этот пряник мне понравился.

— Медовик — это торт, — заметила Ника. — Если бы мы стали есть его завтра, он был бы ещё вкуснее.

— Какую картину писать собралась? — перешёл мужчина к новой теме разговора.

— Пока не знаю. Надо подумать.

— Лучше поразмысли о моём предложении, — попросил Кэптен.

Девушка глянула на него исподлобья:

— Не уговаривай. Рюмочной в кофейне не будет.

Ван дер Меер встал:

— Как скажешь, компаньонка, — взял трость, оставленную у этажерки. Задержался, провёл пальцем по глянцевої поверхности самой большой раковины, заглянул на нижнюю полку. — Рогатой не вижу.

— Якубус разбил, — буркнула Ника, глядя в свою чашку с недопитым чаем.

Адриан коротко выдохнул, и девушка глухо спросила:

— Подоконники, консольную вывеску, доски для картин, керамическую посуду и... цветы... оплатишь? Это всё, больше ничего просить не стану.

— Заказывай, — глухо отозвался мужчина. — Тридцать на семьдесят.

Ника чертыхнулась. Провожать компаньона не пошла. С горечью смотрела на остатки медовика и серебряную ложечку, лежавшую на краю десертной тарелки гостя.

Кэптен сто раз прав. Как бы сильно ни хотелось, а в кратчайшие сроки встать на ноги не получится. Придётся ту же затянуть пояс и потерпеть год, другой.

«Может, не упрямиться? Уступить?» — девушка всхлипнула; по щеке скатилась слеза; в груди защемило.

Продажа вина на розлив — прибыльный бизнес. Пусть по вечерам в кофейне местные благородные господа пьют вино и пиво, закусывают вкусными бутербродами, общаются. Всё же они культурные люди — не сброд с городской окраины.

Только что-то говорило об обратном. Не всякий подвыпивший аристократ может себя контролировать. Будут и шумные гульбища, и бурные выяснения отношений, и затоптанный пол, и залитые вином и пивом дорогие столы и диванчики. Будет такое, о чём думать не хотелось.

Ника легла в холодную постель — Хенни замоталась и забыла принести жаровню.

За окном лаем зашлась соседская собака.

«Зараза, — проворчала девушка, укрываясь одеялом с головой. — Днём лает, ночью лает. Отутюженная на всю голову. Дёрнул же чёрт выбрать именно эту комнату».

Глава 4*

Поздним утром Ника спустилась в кухню и увидела Жакуя. Он сидел на высоком многоярусном насесте, стоявшем на столе у окна, и наблюдал за проходившими мимо горожанами. Здесь же находилась открытая просторная клетка с множеством перекладин, жёрдочек и маленьким зеркалом.

Ван дер Меер сдержал слово, но его приход девушка проспала. Она остановилась у разделочного стола, где Хенни чистила морковь. Поглядывая на птицу, спросила:

— Как наш новый жилец? — в глаза бросилось отсутствие цепочки на его ноге. — Не безобразничает?

Попугай повернул голову на голос и уставился на вошедшую.

— Странное дело, — ответила служанка. — За утро не услышала от него ни единого слова. Только разок щёлкнул на меня, когда я поставила ему свежую воду, положила в мисочку сыра и орехов. Вот скажите, хозяйка, когда он злобно щёлкает — это что значит? Он так ругается? Предупреждает, чтобы его не трогали?

— Наверное, — пожала плечами Ника. — Будь с ним осторожнее. У попугаев крепкий клюв. Вцепится в палец — откусит.

— Господь с вами, — оторопела Хенни. — Вот так возьмёт и откусит?

— Крови будет много, — заверила её девушка.

— Я ему не нравлюсь, — вздохнула служанка, приступая к чистке репчатого лука.

— Нашла, о чём переживать, — повернулась Ника к птице. — Будет выступать не по делу, продадим. Мне как раз деньги нужны.

— Разве можно его продать? Что скажет господин Ван дер Меер?

— Докладывать ему мы не станем. Спросит, где Жакуй, ответим, что улетел. Так, пернатый? — девушка подошла к птице и предупредила угрожающим тоном: — Будешь сквернословить, я тебя продам. Почему молчишь? Язык проглотил?

— Дрянь, — противным голосом прогундосил попугай.

— Невоспитанная гаргуля, — ответила Ника и погрозила ему пальцем. — Договорись у меня.

Птица нахохлилась.

— Он понял, что вы сказали, — ахнула Хенни.

— Ничего подобного. Он, как и любое животное, понимает не смысл слов, а улавливает интонацию. Поругай собаку или кошку ласковым голосом, они будут радоваться, будто ты их похвалила.

— Откуда вы всё знаете? — задумалась над сказанным служанка.

— Учителя хорошие были, — ответила девушка. — Когда освободишься, пойдём с тобой к аптекарю пиявки мне ставить. Потом сходим к горшечнику.

— Поедите и пойдём, — сочувственно закивала Хенни. — Только сначала к горшечнику сходим, а уж потом к аптекарю.

— Почему попугай без цепочки? В камин не залетит? — зевнула Ника, снимая горячий чайник с крюка, и переходя к обеденному столу.

— Господин Ван дер Меер сказали, что если уж Жакуй признал в госпоже Маргрит свою хозяйку, то никуда не улетит.

— Признал хозяйку? — удивилась Ника. Пододвинула мисочки с творогом и мёдом, взяла свежую булочку, налила чаю. Бурчала себе под нос: — Вот пусть она за ним и смотрит. Пусть кормит его, дарит ему игрушки, устраивает банный день. Пусть холит и лелеет. Ей же больше некого любить. — Громче спросила: — Кстати, где она?

— С самого утра ушли. Куда идут — не сказали, — предупредила Хенни вопрос молодой хозяйки.

«Снова пошла на могилу Якубуса», — подумала Ника.

Видела, как госпожа Маргрит тяжело переживает потерю сына. Непокорность дочери увеличивает её страдания и обостряет чувство одиночества.

Ника ощущала себя не менее одинокой. Что в том времени, что в этом — по большому счёту изменилось мало. Там она была нелюбимой дочерью, и здесь остаётся таковой. На неё по-прежнему оказывают давление, её мнение мало кого интересует. Ван дер Меер согласился стать её компаньоном лишь потому, что об этом его попросила госпожа Маргрит. Он не смог отказать ей из-за чувства вины.

— Перед уходом вы же его в клетку посадите? — косилась Хенни на попугая. Прошептала, пряча руки под передник: — Ирод в перьях.

Ника язвительно улыбнулась Жакую, внимательно за ней наблюдавшему:

— С превеликим удовольствием. Квакнешь на меня — завтра же отнесу на рынок и продам, — погрозила ему пальцем.

Жакуй вытянулся, переступил с ноги на ногу, издал булькающий звук и взялся чистить пёрышки.

✠

В тесной лавке горшечника пахло сыростью. На пыльных стеллажах во всю стену стояли разновеликие кувшины, плошки, кружки. Добротные и недорогие, они предназначались для среднего и низшего слоёв населения. Вряд ли в эту лавку заходили горожане с туго набитым гильденами кошельком.

Как Ника и ожидала, на её вкус столовой посуды не нашлось. Ко всему прочему суетливый мужчина за прилавком оказался не хозяином, а продавцом. Он выразил сожаление по поводу отсутствия нужного товара и сказал, что хозяин крутит горшки в своей гончарной мастерской на Речной улице. Если госпожа желает, то может сходить туда.

Госпожа желала. Она решила поговорить с владельцем лавки лично и выяснить, сможет ли тот выполнить её заказ.

— Так это за складом госпожи Маргрит, — заверила её Хенни. — Склад у канала, а мастерская горшечника дальше по улице.

Ника едва поспевала за служанкой, которая шла непривычно быстро.

— Куда спешишь? — вконец запыхавшись, спросила она её. — Ты мне так сильно корсет затянула, что дышать нечем.

Простое платье с корсажем она носила дома, а в город выходила как того требовал этикет: в чёрном платье и кружевном траурном шарфе.

Хенни шаг не сбавила. Суетливо проворчала:

— Нам ещё к аптекарю надобно сходить и вернуться домой до того, как привезут ваши столы, — повернула к каналу.

По горбтому мостику они перешли на другую его сторону. Высокие здания богатого квартала сменили дома купеческих старшин. Улица стала грязнее, мосты встречались реже.

Склад госпожи Маргрит Ника узнала сразу. Помещением пользовались регулярно: на высокой двери висел большой новый навесной замок; земля у двери плотно утрамбована. Под кровлей крепился крюк для подъёма грузов.

Широкая дверь соседнего склада была распахнута. По перекидным сходням сновали мужчины, переносившие в него ящики и тюки со шляпок, пришвартованных к причалу.

Хенни свернула в узкую улочку, сплошь застроенную складами.

Гончарная мастерская ютилась в небольшом строении. Из трубы вился дымок; дверь открыта настежь.

Немолодой сутулый горшечник сидел за ножным гончарным кругом* и выкручивал большой кувшин.

Заметив гостей, кивнул, здороваясь, собираясь остановить круг. Ника подала ему знак продолжать. Она подождёт. К тому же в мастерской есть на что посмотреть.

Печь для обжига глины занимала четверть полутёмного помещения. Вдоль стен располагались многочисленные стеллажи и полки, предназначенные для хранения готовой посуды. Её скопилось немало. В углу стоял деревянный ящик с сухим просеянным песком, лежала глина.

Ножной гончарный круг находился в центре. Поодаль стоял такой же для лепки небольшой посуды.

Мастер не был один. Напротив него сидел мальчишка-подмастерье* и вращал тяжёлый механизм ножного гончарного круга. Второй — ученик*, значительно младше, лепил ручку к кувшину.

Ника засмотрелась на мужчину. Наблюдать за его отточенными, выверенными движениями доставляло истинное удовольствие.

В его сильных, испачканных в глине руках сквозило столько красоты и грациозности, что трудно было отвести глаза. Вылепить горшок вручную для личного пользования может каждый, но иметь гончарный круг и уметь на нём работать с полной отдачей сможет только мастер. Только из-под его рук из податливой глины появится на свет подлинный шедевр.

В ожидании Ника подошла к стеллажу, где стояли обсохшие и зачищенные до гладкости горшки и плошки, предназначенные для обжига. Изделия без рисунка, однотипные, девушка сказала бы скучные и примитивные. Осторожно взяла низкую пузатую бутылку. Круглые глиняные бока её были вылеплены тонко и изящно. Чувствовалось, что её изготовил не ученик. А вот и поставленное на доньшке авторское клеймо мастера в виде круга, с вписанными в него двумя заглавными буквами.

О процессе изготовления изделий из глины Ника знала не понаслышке. Не думала, что когда-нибудь ей пригодятся знания, полученные в университете. Видно, не случайно в качестве дополнительного предмета она выбрала керамику. Выкручивала на гончарном круге кухонную утварь не один десяток раз. Помнила, какие чувства испытывала при этом.

Глина — податливый природный материал, из которого можно изготовить всё, что угодно. Работать с ней одно удовольствие. Сотворить из куска глины настоящее произведение искусства непросто. Недостаточно придать чаше или кувшину симметричную форму. Нужно вложить в него частицу своей души, вдохнуть жизнь.

Изделия из керамики отличаются особым магнетизмом и долголетием неспроста. Особая магия кроется в участии в производстве четырёх основных природных стихий. Глина — это земля и дар земли. Вода необходима при лепке. Воздух сушит изделие. Огонь делает глину прочной и долговечной.

Вернув бутылку на полку, Ника подошла к пышущей жаром печи. Видела подобную старую печь для обжига на картинках. Когда пламя в ней погаснет, глиняные изделия постепенно остынут. Затем их покроют либо глазурью, либо применят технику молочёного обжига. После повторного обжига в печи готовая к использованию посуда перекочет на стеллаж.

Судя по виду готовых изделий, мастер выкручивал изделия из красной глины и пользовался дешёвым методом молочения*.

Сняв кувшин с гончарного круга и поместив его на стеллаж, мужчина не спеша вымыл руки и подошёл к госте.

— Чем могу услужить госпоже? — произнёс низким надтреснутым голосом, махнув рукой мальчишкам на пустые вёдра и указав на дверь.

Смотрел на Нику с любопытством. В густой седой бороде и усах затаилась добрая усмешка.

— Заходила в вашу лавку, смотрела товар, — бойко начала девушка. — Хочу заказать у вас столовую посуду из белой и красной глины. Работаете с белой глиной? Вижу у вас исключительно красную.

Глаза мастера сощурились, загорелись интересом:

— Белую заказывать следует, — переключил внимание на Хенни, которая со скучающим видом остановилась у стеллажа с посудой и рассматривала ряд крупных кружек, похожих на пивные. Переспросил: — Столовую посуду?

— Для кофейни, — уточнила Ника. — Белая глина мне нужна для изготовления плоских тарелок и чашек с блюдами. Красная — для пивных кружек и блюд разного размера. По внешнему виду кружки должны походить на деревянные.

Густые брови мужчины приподнялись в удивлении, и девушка внесла ясность:

— Рельефный рисунок я нанесу сама. Моё условие — участвовать в изготовлении посуды и молочении.

— Госпожа понимает в гончарном ремесле? — со снисходительной улыбкой спросил мастер, бегло окинув её стать и траурное одеяние из дорогой ткани.

Ника не смутилась:

— Я не буду вам надоедать и вмешиваться в работу. Немного поработаю с заготовками до обжига и проведу опыты с молочением. Поскольку заказ будет большим, и часть работы я сделаю сама, рассчитываю на солидную скидку с вашей стороны.

Девушка знала, что горшечник в городе не один. Вряд ли он захочет потерять заказчика, который может стать его постоянным клиентом. Посуда бьётся. А в питейных заведениях бьётся часто и в большом количестве.

Мальчишки принесли вёдра с водой и бесшумно уселись на пол в углу мастерской. Блестя глазами и тихо переговариваясь, прислушивались к разговору.

Хенни зевала и сонно щурилась, пригревшись у печи на скамье.

Мастер усмехнулся:

— Учитывая самоличное участие госпожи в лепке посуды... — сухо кашлянул. — Скажите, госпожа, это не та кофейня, что обустраивается в бывшем гостевом доме на улице Дифер? А вы и есть сестра утопшего капитана ночного дозора? — мужчина неловко замолчал и опустил глаза.

— Да, — насторожилась Ника.

Мастер поспешил закруглиться:

— Хороший человек были ваш брат, госпожа... кхм...

— Руз, — представилась она. — Так что со стоимостью заказа?

— Не могу сказать, пока не пойму сложность лепки.

Девушка обстоятельно перечислила виды тарелок, чашек, кружек. Указала на возможные изменения их формы в ходе изготовления.

Мужчина задумчиво оглаживал бороду:

— Вы помянули об опытах, — глухо закашлялся. — Чую, что ваше участие осложнит мою работу.

— Возможно, — улыбнулась Ника, останавливая глаза на натруженных руках мастера. — Вы же не боитесь трудностей?

В углу мастерской зашушукались мальчишки.

Хенни шумно вздохнула, зевнула и громко сказала:

— Идёмте отсюда, хозяйка. Я отведу вас к другому горшечнику. Тот сговорчивее будет и почтёт за честь выполнить ваш заказ.

Мужчина с неприязнью глянул на служанку и цыкнул на мальчишек. Подавив вздох, сказал:

— Я возьмусь за ваш заказ.

Ника не сомневалась:

— Завтра я приду с эскизами, и мы с вами изготовим из красной глины образцы всей посуды. Тогда и определимся с ценой. За две недели управитесь с заказом?

Горшечник почесал затылок:

— Не могу сказать. Вроде маловато.

Девушка прикинула, что естественная сушка гончарных изделий при установившейся тёплой погоде займёт не более семи — десяти дней, молочение и двойной обжиг три-четыре дня. В две недели они уложатся. Должны уложиться.

— До открытия кофейни осталось две недели. Переносить дату я не стану, — твёрдо заявила она. — Значит, разделю заказ пополам и вторую часть закажу у другого мастера, — подвела итог.

— Может, и справлюсь, — пошёл на попятную мужчина.

Ника уточнила:

— Сколько дней нужно ждать доставку белой глины?

Мастер снова огладил бороду:

— Дня два. Глазурью покрывать ничего не станете?

— Поэкспериментирую с посудой из белой глины.

Мужчина вздёрнул брови. На его лице отразилась смесь удивления и непонимания.

Ника проигнорировала его непонятливость. Гончар должен знать ответы на все вопросы касательно его мастерства. Сыпала вопросами:

— Какая у вас есть фритта* для цветного покрытия?

Ей отвечали с раздумьем, медленно:

— Всяческая.

Сгорала от нетерпения:

— А точнее.

— Синяя и зелёная.

— Как обстоят дела с белой, жёлтой, красной и чёрной?

Мужчина озадаченно помолчал, затем неуверенно ответил:

— Если надобно, привезут.

Девушка вздохнула. Показалось, что мастер уже пожалел, что связался с ней. Неужели она требует невозможного? Кивнула одобительно:

— Что ж, для начала неплохо, — направились к выходу. — При отсутствии чего-либо, будем довольствоваться тем, что есть.

* *Ножной гончарный круг — приспособление для изготовления изделий из глины, работающее благодаря инерции вращения, создаваемого при помощи ноги.*

Ножной гончарный круг состоит из деревянной станины, вертикальной металлической оси и двух деревянных дисков. В верхней части оси укреплен небольшой диск, на нём гончар формирует изделия. В нижней части установлен маховик в виде большого деревянного круга. Нижним концом ось упирается в упорный подшипник.

* *Ученикам обычно поручали делать рутинную работу: мыть кисти, точить карандаши, грунтовать холсты, натягивать их на подрамник. Мастер мог ему дать скопировать какую-нибудь свою работу.*

Подмастерье находился в определенной личной зависимости от мастера, питался в его доме, но свои нужды оплачивал сам. Должен был строго соблюдать трудовую дисциплину. Пропущенные рабочие дни не оплачивались.

* *Молочение. Керамическое изделие вымачивают в молоке или других кисломолочных продуктах. После высыхания его запекают в печи при температуре триста шестьдесят градусов.*

Керамика получается с эффектом старения, от карамельно-коричневого до чёрного цвета с лёгким глянцем.

Молочение придаёт гончарным изделиям не только декоративный вид, но и используется для их большей влагостойкости.

В современном мире обжиг проходит в электрической муфельной печи с поддержанием нужной температуры.

** Фритта — богатый кремнезёмом стеклянный состав, обожжённый на малом огне до спекания массы, но не до плавления. Слово восходит к 1662 году и означает полуфабрикат для изготовления глазури.*

Глава 5*

При виде лавки лекаря у Ники тревожно забилося сердце. Одно дело пойти в поликлинику к хирургу в современном мире и совсем другое — попасть на приём к целителю семнадцатого века, не имевшему ни малейшего понятия об анестезии, дезинфекции и накладывании стерильной повязки.

Лавка делилась на две половины. В одной лекарь продавал изготовленные снадобья, микстуры и порошки, в другой — вёл приём больных.

В полутёмном помещении пахло горькими травами и кленовым сиропом. На стеллажах во всю стену высились закупоренные пробками бутылки зелёного стекла, колбы с мутным содержимым и глиняные кувшины с привязанными к горлышкам бирками.

Звон дверного колокольчика известил хозяина о приходе посетителей. Однако лекарь на зов не вышел. Из-за дощатой перегородки, дверной проём которой был затянут плотной шторой, нёсся нарастающий сдавленный женский стон.

Отогнув штору, Хенни заглянула в проём и тотчас вернулась к Нике.

— Зуб рвёт, — болезненно поморщилась она и зябко передёрнула плечами.

За перегородкой послышался истеричный вопль больной.

Ника вздрогнула и шагнула к выходу.

Хенни прижала ладонь ко рту и округлила глаза.

— Хозяйка, я вас на улице подожду, — не глядя на неё, опрометью выскочила из лавки.

Девушка вздохнула и села на стоявший у двери стул. Хочешь не хочешь, а прибегнуть к помощи целителя придётся. Пересчитала языком свои зубы; прошлась по пересохшим губам. Понятно, что лекарь пломбу на заболевший зуб не поставит и, в случае чего, лишишься его целиком. Лучше их беречь. Ника берегла: после каждого приёма полоскала рот водой, массируя дёсны пальцем, чистила зубы найденной у Руз палочкой с пучком свиной щетины на конце. Зубным порошком служила тонкомолотая яичная скорлупа с добавлением сухих трав.

Из-за перегородки послышался стон и ласковый старческий голос, уговаривавший больную потерпеть.

Лекарь — приятного вида седовласый старец с аккуратно подстриженными бородой и усами, облачённый в балахон и маленькую круглую шапочку, вывел под руку бледную женщину средних лет в сбившемся чепце и с плотно закрытым перекошенным ртом.

Ника поспешила уступить ей место.

Та, не глядя, села на стул, закатила глаза и жалобно застонала, прижав ко рту платок со следами крови.

Наказав ей молчать, сидеть смирно и дожидаться его, целитель перевёл взор цепких строгих глаз на посетительницу.

У Ники появилось стойкое желание сбежать.

Не успела — от судьбы не уйдёшь.

Старец взял её за руку, погладил вместо приветствия, тепло улыбнулся и указал ей на дверной проём с отдёрнутой шторой:

— Прошу, госпожа, пройти.

За перегородкой оказалась маленькая комната с удобным креслом напротив окна. На широком подоконнике — ступка с перетёртым в пыль порошком, колба с коричневой жидкостью и открытый ларец со снадобьями.

Сняв шарф и подняв волосы, Ника показала лекарю гематому. Предупредив его вопрос, сказала, сколько дней назад упала. Покраснела от волнения, вспотела.

Старец нежно потрогал шишку и кожу вокруг неё, сухой прохладной ладонью коснулся лба девушки, приподнял её подбородок, ощупал шею. Покачал головой:

— Следовало прийти сразу, госпожа.

Ника судорожно вздохнула:

— Собиралась, но... думала, само... рассосётся, — зорко следила за неспешными движениями лекаря.

Когда он снял с полки полупрозрачную выпуклую чашу с жидкостью с угадывающимися на дне паразитами, уточнила:

— Пиявки?

— Больно не будет, — заверил он, всматриваясь в её покрывшееся испариной лицо.

Девушка знала, что процедура не имеет побочных эффектов, безопасная и безболезненная — пиявка впрыскивает в кровь обезболивающее вещество. Чтобы избежать инфекции, ею должны воспользоваться один раз. Смиренно попросила:

— Пожалуйста, поставьте мне ранее не использовавшегося червя. Буду вам очень признательна.

Посмотрела в его блёклые глаза настолько тоскливо-просительно, насколько сумела:

— Для меня это имеет большое значение, — улыбка вышла вымученной и робкой.

Лекарь наклонил голову к плечу:

— Не тревожьтесь, госпожа. Я всё сделаю крайне чисто. Вам не следует беспокоиться.

Он предложил ей опустить голову на положенный на подлокотник кресла валик.

Ника достала из рукава носовой платок и застелила им замусоленную обивку. Прислушивалась к поглаживаниям и невесомым касаниям рук целителя к ране.

Как и ожидала, боли не почувствовала. Ощутила лишь лёгкое жжение в месте ушиба и шум крови в ушах от волнения.

— Успокойтесь и расслабьтесь, — донёсся до неё голос старца. — Подождём, пока пиявки насосутся.

— Сколько штук вы поставили? — забеспокоилась Ника.

— Две. — Услышав звон дверного колокольчика, предупредил: — Я выйду, госпожа. Не вставайте, сидите спокойно.

Девушка положила голову удобнее и закрыла глаза. Прислушалась к себе. Ничего страшного не происходило. Жжение ослабело; в голове приятно зашумело.

Её тронули за плечо.

— Вот и всё, отвалились сами, — услышала сквозь дрему ласковый голос лекаря.

Сколько прошло времени, Ника сказать затруднялась. Кажется, она задремала. Рядом стояла бледная Хенни и во все глаза смотрела на неё.

Старец смазал ранку чем-то вязким, прохладным, остро пахнувшим.

— Чудесно, — сказал он, довольный потирая ладони. — Пока рана не затянется, немного будет идти кровь. Не пугайтесь, так надо. Придите завтра, я посмотрю, нужно ли повторить лечение.

Пока хозяйка рассчитывалась с лекарем, Хенни держала её под руку.

— Я долго спала? — спросила Ника, выйдя из лавки, вдыхая свежий воздух.

Слегка кружилась голова. Чувствуя, как по шее потекла струйка крови, прижала к ране носовой платок.

— Не так чтобы долго, — ответила служанка. — Лекарь принял двух человек и одного выгнал.

— За что?

Ника ускорила шаг. Казалось, что кровь пошла сильнее; платок стал влажным и липким. Что она станет делать, если кровь будет течь без остановки? Придётся лежать. Кто проследит за выгрузкой и расстановкой мебели?

Хенни с беспокойством поглядывала на хозяйку:

— Тот сказал, что после визита лекаря к его жене, она бросила его и уехала к матери.

— Так ему и надо, — проворчала Ника. — От хорошего мужа жена не уедет. Целитель ни при чём. — Перешла к делу: — Если кровь не перестанет идти, ты сможешь проследить за выгрузкой столов и стульев?

— Вам нехорошо? — всполошилась Хенни, только сейчас заметив руку госпожи на затылке. — Вы бледная.

Ника, наоборот, почувствовала прилив сил, слабость отступила. На одну проблему стало меньше.

— Отлежусь, — заверила она служанку. — Госпоже Маргрит ничего не говори.

Предвкушала, как согласно эскизам встанут на свои места столы, стулья, диваны, барная стойка, витрина. В ныне пустующий дверной проём установится половинчатая дверь, на полках появится декоративная керамика, на стенах — картины. Зал кофейни преобразится, дополнится яркими деталями и зелёными растениями, приобретёт завершенность. В кофейне под интригующим названием «Ветер странствий» будут продаваться вкуснейшие напитки и кулинарные изделия. Она станет самым уютным и любимым горожанами уголком в Зволле.

Так хотелось думать.

Так мечталось.

✠

Было приятно. Очень.

Ника млела от близости мужчины. Ласково гладила его красивое лицо, волнистые волосы. Заглядывала в бархатные серые глаза. Коснулась несмелым поцелуем губ — оттолкнёт? Отстраниться не спешила. В робком ожидании смежила веки. Внутри сладко подрагивало. Тело просило ответной ласки.

Мужчина не оттолкнул её, сжал в объятиях. Ответил на поцелуй с жадным нетерпением: горячо, страстно, отчаянно. Скользил ладонями по её напряжённой спине, плечам.

Дивясь своей смелости, Ника тихо застонала, всецело отдаваясь чувствам. Было восхитительно и совсем не страшно.

— Кэптен, — прошептала она, отрываясь от его дерзких губ, вдыхая аромат хвойной свежести, касаясь губами кожи его шеи. — Возьми меня в жёны.

— Ты же знаешь, что это невозможно, — ответил он ей, прерывисто дыша, прижимая её голову к своей груди. — Руз, мы никогда не будем вместе.

— Руз?.. Она не Руз, а Верони-ичка. Изворотливая и лживая с-сука, мля.

Ника вздрогнула от звука вкрадчивого, насмешливого Ромкиного голоса. С отчаянной злостью крикнула:

— Заткнись, гад! Тебя нет! Ты мёртвый!

— Ты тоже, — разразился грубым смехом Грачёв. — Тебя тоже нет.

Ника не видела ни его, ни его лица. Более того, он казался ей бестелесным призраком, просто голосом в необозримом, внезапно став ледяным пространстве. Но казалось, вот-вот Ромка обретёт тело, нагло вмешается, оттолкнёт Нику, ударит. Не сдержалась, закричала:

— Сгинь, нечисть! Это из-за тебя я оказалась здесь! Из-за тебя вынуждена лгать и мучиться! Из-за тебя не могу сказать правду тому, кого люблю!

— Что ж ты такая некультурная, Верони-ичка? — спрашивал Грачёв елеинным голосом. — Хочешь вернуться домой? Я помогу тебе... Хочешь?

Ника оглядывалась, шарила руками вокруг себя, искала Адриана и не находила — как в воду канул! Запаниковала, с замирающим сердцем вскрикнула:

— Где ты?!.. Кэптен, ты где?

Ромка громко и хрипло рассмеялся:

— Хочешь вернуться домой, мля?

Перед глазами Ники поплыл багровый туман. Она хватала открытым ртом воздух, давилась им, задыхалась. В ушах затихающим эхом зазвучала знакомая мелодия — Лебединый пел:

— Вот и вся любовь! Талая вода,

Хочешь, я вернусь, но не навсегда.

— Не хочу! — Ника замахала руками, рванулась в сторону и села в постели.

Прижав руки к ходившей ходуном груди, испуганно озиралась по сторонам.

Солнце перевалило далеко за полдень. В приоткрытое окно задувал тёплый ветерок, трепал зелёную шёлковую занавеску. Она касалась раскидистого куста томата, качала его, тревожила. Ему не нравилось — он издавал острый запах зелени и тепла, который удивительным образом успокаивал и приводил в чувство.

Ника поморщилась от вида большого засохшего тёмного пятна на сбившемся полотенце. Нашупала на затылке в волосах сгусток запёкшейся крови.

— *Гадство*, — выдохнула протяжно, спуская ноги, натыкаясь ступнями на комнатные туфли.

По возвращении от лекаря девушка не стала обедать. Чтобы не столкнуться с госпожой Маргрит, сразу же поднялась в свою комнату, сбросила чёрное платье и легла на ложе. Сменила напившийся кровью носовой платок на сложенное вчетверо полотенце. Собиралась полежать немного, отдохнуть, но заснула.

Бросив полотенце в миску с холодной водой, где мок носовой платок, посмотрелась в зеркало.

«Краше в гроб кладут», — пришло на ум нелестное сравнение. На бледном лице выделялись лихорадочно блестящие глаза с тёмными кругами под ними. Волосы расплелись, растрепались.

Ника коснулась припухших губ, очертила их кончиками пальцев. Поцелуй с Кэптенем... Откровенный, полный жизни и энергии. Взаимный.

От пережитого во сне волнения перехватило дыхание. Вот бы всё было правдой! До того момента, как в их идиллию вторгся Грачёв. Мёртвый, невидимый Грачёв. Мерзкий и страшный со своей правдой — Ника мертва, похоронена, её нет. Её душа замкнута в чужом теле, выход из которого один — смерть.

В глубине дома послышался стук захлопнувшейся двери.

Девушка наспех собрала волосы в пышный хвост, перевязала лентой, надела домашнее платье и вышла в коридор. Гадала, проспала она доставку мебели или успеет сама всё осмотреть и принять?

Войдя в зал кофейни через распахнутую дверь, остановилась.

Новая мебель, правда, не вся, была расставлена согласно её эскизам, оставленным Хенни для приёма заказа. Ощутимо пахло свежим деревом и лаком. В вымытые окна заглядывало солнце.

У окна в VIP-зоне, пока не отделённой от основного зала фальш-перегородкой, за новеньким жемчужно-серебристого цвета с молочным отливом столом, покрытым матовым лаком, сидели госпожа Маргрит и — Ника присмотрелась — сваха?

Женщины беседовали и пили чай. Вернее, чай пила госпожа Сникерс, а мама безотрывно смотрела в окно и протяжно вздыхала.

Сваха поспешно доедала медовик, алчно поглядывая на последний кусок на блюде. Давилась словами, запивая их крупными глотками чая:

— Милая госпожа Маргрит... неразумно заставлять мужчину... ждать... столь долго. Охладеет... отступится. Сожалеть... будете, — отёрла носовым платком вспотевшее лицо.

Её громкий голос вибрировал, дышал недовольством, эхом отскакивал от стен зала, тяжёлыми глыбами падал на мозаичные плиты пола.

Мама опустила глаза на платок в своих пальцах, нервно теребящих тонкое белоснежное кружево. Вскинула покрасневшие глаза на визитёршу:

— Подожду ещё чуток. Вы же знаете, сейчас не самое подходящее время. Мой сын, мой Якоб... — засморкалась в платок.

Ника укоризненно качнула головой: сваха пришла не случайно. Появился мужчина, желающий заполучить в жёны немолодую вдову-аристократку?

Девушка с любопытством присмотрелась к госпоже Маргрит. Разве это невозможно? На каждый товар найдётся свой купец. В скором времени у Руз появится отчим?

Вместо того чтобы незаметно вернуться в коридор и войти в кухню с другой стороны, Ника направилась к женщинам. Нетерпение узнать, кого прочат в мужа маме, пересилило нежелание встречаться с госпожой Сникерс.

— Гаргулья! — раздался со стороны камина скрипучий голос.

Ника едва не споткнулась и резко остановилась.

— Тьфу, зараза! Напугал, — сплюнула она в сторону.

Сосредоточившись на рассматривании установленной барной стойки, высоких стульев и навесных полок, составленных на полу у противоположной стены, она не заметила Жакуя, неподвижно сидевшего на каминной полке. Если бы он промолчал, и девушка не знала, что в доме есть живая птица, то приняла бы его за чучело.

— Дрянь, — тотчас отозвался попугай.

— Съем тебя, — пообещала девушка с угрозой и смачно почмокала. — С перьями и потрохами, — сощурилась и с показным наслаждением облизала губы.

— Гарпун тебе в глотку! — крикнул Жакуй басовито, взмахнул крыльями и улетел в кухню через зияющий пустотой проём в стене.

Послышалось дребезжание упавшей то ли миски, то ли кастрюли и яростный возглас Хенни:

— Кыш!.. Ирод в перьях!

Снова загремела посуда.

Ника сочувственно посмотрела в сторону кухни и направилась к женщинам, сидевшим в уединённой зоне у окна.

Геррит Доу (1613 — 1675) — голландский художник и рисовальщик

Картина «Удаление зуба», 1630 год

Картина «У лекаря», 1638 год

Картина «Целитель осматривает рот пациента», 1665 год

Глава 6

Они ждали её приближения. Занятые разговором, заметили её лишь после возгласа Жакуя.

Госпожа Шрайнемакерс, как в первую встречу с Никой, была в том же строгом тёмном платье с белым воротничком, на пальцах те же крупные золотые перстни. Такая же чопорная и неприступная.

Она окинула дочь хозяйки придирчивым взглядом, поджала губы и остановила глаза на её лице.

Мама беспокойно заёрзала на сиденье новенького деревянного двухместного дивана, выпрямила спину.

Ника вежливо поздоровалась со свахой.

Та посмотрела за её спину в пустой дверной проём:

— А у вас тут мило, — отправила в рот последний кусочек медовика, лежавший на её десертной тарелке.

Девушка не заметила на столе толстой записной книги женщины. Часы-луковица не лежали перед ней, а висели на коротком ремешке у пояса — госпожа Шрайнемакерс никуда не спешила.

Зато на краю столешницы со стороны госпожи Маргрит покоились изрядно мятые эскизы зала кофейни. Заметив взгляд дочери, мама сказала:

— Два оставшихся дивана и овальные столики доставят завтра. Шкаф-витрину тоже. Ждут стекло. Надеюсь, я ничего не напутала? — глянула на эскизы.

— О, нет, — улыбнулась Ника, польщённая неожиданной помощью мамы. — Всё решено согласно плану. Спасибо за помощь.

Промолчала, что из швейной мастерской сегодня обещали принести мягкие накладки на диваны, чехлы на них и салфетки цвета топлёного молока с вышитой монограммой «wZw» — «Ветер странствий», выполненной гладью в тон ткани. Доставленный для согласования Нике образец смотрелся роскошно и стильно.

Девушку занимало другое. Она сделала вид, что не слышала часть разговора женщин.

— Зашли посмотреть на наши приготовления? — пододвинула госпоже Шрайнемакерс блюдо с остатками медовика: — Ещё чаю? — дотронулась до горячего бока доливного фарфорового чайника.

Сваха согласно кивнула:

— Значит, здесь будет кофейня? — следила за руками дочери госпожи Маргрит. — Не гостевой дом, как было прежде, а именно кофейня?

Ника налила гостею чаю:

— Кофейня и первостатейная в Зволле пивная в одном зале, — переложила медовик в её тарелку. — Для...

— Пивная? — перебила госпожа Шрайнемакерс и сложила губы в брезгливой гримасе. — Не подобает...

Не дав женщине закончить, девушка уверенно продолжила:

— Для благородных господ. Для женщин и детей — сладкие напитки и десерты, для мужчин — лучшее в городе пиво с вкуснейшими качественными закусками. В честь открытия... кофейни, — выделила слово нажимом, — на все яства будет небольшая скидка. Также предполагается розыгрыш призов. Приходите, вам понравится.

Ника не думала о скидке и призах в первый день работы кофейни. Внезапно пришедшая мысль ей понравилась. Что мешает? Этаким маркетинговый ход. Госпожа Сникерс вхожа во многие дома Зволле. За оставшиеся две недели до открытия она разнесёт новость по городу,

заинтригует жителей, разбудит интерес, станет ходячей рекламой. Новое заведение посетят не только зеваки, а и любители пива, будущие завсегдатаи кофейни.

— Призов? — рука свахи с чайной ложечкой остановилась на полпути от медовика. — Каких призов?

Девушка загадочно улыбнулась:

— Увидите. А если рискнёте поучаствовать в розыгрыше, то, возможно, станете обладательницей уникальной, единственной в своём роде вещицы.

И, совершенно необъяснимо для себя, повторила *по-французски*:

— *Unique*.

Госпожа Шрайнемакерс облизала губы; глаза загорелись азартом.

— *Unique*, — повторила она за девой с благоговением. — Уникальной.

Встряхнула головой, будто отгоняя от себя понятное только ей видение, промокнула губы салфеткой и снова скривила рот. Неодобрительно посмотрела на госпожу Маргрит:

— Вам не следует выпускать птицу из клетки, когда в доме пребывают всеми уважаемые посетители, — замечание прозвучало менторским тоном. — Ваша птица не в пример безобразно разговорчивая! — покраснела от возмущения. — Ей не место в покоях титулованных особ с благородной кровью.

Как Жакуй обозвал гостью, можно было догадаться. Ника подумала, что он совсем не её имел в виду, обозвав гаргулей, когда она проходила мимо. Госпожа Сникерс ему не понравилась, и он хотел предупредить Нику, кто именно с его точки зрения пожаловал в их дом с визитом. Неужели Кэптен прав и попугай не так уж глуп?

Мама молчала. Настороженно наблюдая за дочерью, заметно напряглась.

Ника миролюбиво улыбнулась свахе:

— К сожалению, на птице сказывается дурное влияние прежнего хозяина. В одночасье Жакуя не перевоспитаешь, но мы с мамой будем очень стараться, — пообещала привередливой гостье.

Понимала причину её недовольства. Мало того, что женщину плохим словом обозвала какая-то птица, ко всему прочему послав вдогонку гарпун куда не следовало бы, но и всё шло не по её плану. Присланная загадочным женихом сладить дело, госпожа Сникерс вынуждена уйти ни с чем. За несостоявшееся сватовство, она, надо полагать, лишится большого гонорара.

Ника сгорала от любопытства: кто?.. Кто тот таинственный жених, которому госпожа Маргрит не может сказать уверенное «да» и в то же время не говорит твёрдое «нет»? Кого она собирается водить за нос?

— Перевоспитаете... птицу? — сваха едва не подавилась глотком чая. — Разве таковое возможно?

— У нас получится, вот увидите, — успокоила её девушка.

Дерзить женщине и выводить её из себя, как случилось в прошлый раз, она не будет. Та пришла с миром, и, главное, не по душу Ники. Уходит не совсем удовлетворённая, но... сытая. Последний кусок медовика исчезал с десертной тарелки гостьи со скоростью лесного пожара.

— Не буду вам мешать, — откланялась девушка, так и не найдя способа перевести разговор в нужное ей русло.

На интересующий её вопрос ответит Хенни. Если служанку от подслушивания не сдерживали запёртые двери, то их отсутствие не остановит и подавно.

Ника осматривалась, любуясь плодом своих усилий.

Мебель заняла места согласно эскизу, преобразив зону у окна до неузнаваемости. Завтра на стену за барной стойкой прикрепят полки, привезут и поставят шкаф-витрину со стеклом. На диванчики лягут мягкие накладки в цветных чехлах. Затем половинчатая дверь закроет проход в кухню, появятся подоконники, цветы. Кладовые заполнятся продуктами.

Ника шла и улыбалась своим мыслям. Шла в кухню.

Хенни пребывала не в духе. Насупившись, гремела кастрюлями и недобро поглядывала на сторбившуюся, тихо сидевшую в углу у двери молоденькую девушку в белом чепце и переднике любимого здешними женщинами зелёного цвета.

Жакуй примостился на изогнутом карнизе буфета и оттуда зорко следил за шумливой служанкой.

— У нас новенькая? — увидела Ника незнакомку. — Как зовут?

— Госпожа Маргрит сегодня наняли. Будет им прислуживать, — пробурчала Хенни, косясь на девушку. — Как ты сказала тебя зовут?

— Лина, госпожа, — ответила та, вставая, глядя на Нику. — Лина Квиспель.

— Дочь городского ночного сторожа Йоханеса, — дополнила Хенни с заметной долей небрежения, чем смутила новенькую.

Девушка оказалась невысокой, ширококостной и приятной на лицо. Опустила глаза, заметив, что госпожа смотрит на её тщательно выскобленные кломпы.

— Жареной картошкой пахнет, — принялась Ника.

Хенни поспешила ответить:

— Сделала так, как вы велели. Суп с клёцками и рисом есть будете? Тоже приготовила, как вы наказывали.

— С фрикадельками, — поправила её Ника. — Буду. Ты ела? — спросила у новенькой, садясь к столу.

— Госпожа Маргрит на сей счёт указаний не давали, — с вызовом ответила Хенни.

Лина промолчала, бесшумно перешла к стулу, стоявшему в тёмном углу за камином и села на него. Сложила руки на коленях.

Хенни в сторону новенькой не смотрела. С шумом поставила на стол корзиночку с хлебом и сдобой, громыхнула чугунной утятницей с тушёной телятиной, приправленной густой ароматной подливой из сушёных грибов, моркови и лука, приготовленных на бульоне с добавлением муки и... хм... вина, — по новому рецепту хозяйки.

— Так сходи и спроси, — указала ей Ника кивком на дверной проём.

Наблюдала за заметно изменившимся поведением преданной служанки. Из неунывающей и добродушной та превратилась в агрессивную и конфликтную особу.

Хенни подала хозяйке мисочку с супом:

— У них посетитель. Никак нельзя беспокоить.

Пока Ника размышляла, следует ли покормить новую служанку мамы, Лина выскользнула за дверь.

— Ушла, — с облегчением вздохнула Хенни. — Не нравится она мне.

Обернулась на шум крыльев и пригнула голову, когда Жакуй спикировал с буфета на край стола.

— Жакуй хочет есть, — объявил он во всеуслышание.

— Утроба ненасытная! — возмутилась Хенни, замахнувшись на птицу полотенцем. — Только что кормила тебя, бесстыжий.

Попугай угрожающе щёлкнул языком:

— Бестолочь, — встопорщил пёрышки на шее.

— Жакуй хороший, — возразила Ника ласковым голосом. — Хо-ро-ший, — повторила с нажимом. — Надо его перевоспитывать, — негромко указала Хенни. — Больше не ругай его плохими словами.

Служанка задержала взгляд на птице:

— А какими прикажете ругать его словами, если он бранится, как мертвецки пьяный шкипер? Сроду ничего подобного не слышала.

— Отвечай ему добрым словом, — усмехнулась Ника. Потрогала на затылке зачесавшуюся под спёкшейся кровью рану.

— Как это? — вскинулась Хенни.

— Он скажет на тебя: «Дрянь», а ты ему: «Мой хороший, умница». Он тебе про гарпун, а ты ему про чудесную погоду. Со временем он забудет плохие выражения, а наш слух будет ласкаться новыми приятными словами. Так и переучим.

Хенни вздохнула. С подозрением наблюдала за попугаем, которому госпожа предложила ломтик хлеба, приговаривая:

— Жакуй умница, хорошая птичка.

Хлеб он не взял. Перелетел на куполообразную крышу клетки, пощёлкал языком, нахохлился и затих.

— Зачем пришла сваха? — тихо спросила Ника, не спуская глаз с дверного проёма в зал кофейни.

— Госпожа Шрайнемакерс? — в своей манере переспросила Хенни.

— Ты видела кого-то другого? — уставилась на неё Ника нетерпеливым взглядом. — Кто-то другой сож... съел мой медовик? Который я, кстати, почти не ела. Кого она сватает госпоже Маргрит?

— Кого? — вполне искренне вздёрнула бровки служанка. На потемневший взгляд хозяйки, не суливший ничего хорошего, быстро спросила: — А вы не знаете? Все знают.

— Ответ неправильный, — нахмурилась Ника, сдерживая желание хлопнуть ладонью по столу.

Хенни подошла к ней вплотную, склонилась к уху и доверительно прошептала:

— Господина губернатора. — Зачастила: — Четыре дня назад они приходили с визитом к госпоже Маргрит, но они велели его не впускать. Вот господин губернатор и прислали госпожу Шрайнемакерс. Наконец-то решились просить руки вашей матушки.

Ника пожевала губами. Было неприятно сознавать, что её эгоистичное желание отомстить маме в день первой встречи со свахой стало причиной размолвки любящих людей. Любовь это или привязанность двух одиноких людей — не столь важно. Если им и суждено расстаться, то уж точно не по вине Ники.

Шурша юбками, в кухню вошла госпожа Маргрит.

— Ты почему не сказала, что тебе нужен лекарь? — спросила она у дочери с беспокойством. — Почему пошла к нему сама?

— Экономлю на визите, — пробурчала Ника, не глядя на мать, с преувеличенным усердием доедая суп.

Досадовала на Хенни: «Не сдержалась, зараза, проболталась! Никому доверять нельзя!»

— Я пока в состоянии оплатить визит лекаря на дом. Мы ещё не настолько обнищали, — подчеркнула госпожа Маргрит.

Дочь не ответила, и женщина уже мягче сообщила:

— Доставили две большие доски. Я велела отнести их в угловой покой на третьем этаже, где ты устроила мастерскую. Будешь что-то рисовать? Что это будет?

Интерес мамы выглядел искренним.

Ника потёрла затылок в месте раны. Как только госпожа Маргрит уйдёт, она попросит служанку размочить и вычесать кровавую корку.

— Пока не знаю, — ответила отрешённо. — Подумаю на досуге.

Женщина прошла к разделочному столу, подняла крышку со сковороды с жареной картошкой, принялась:

— Со сливочным маслом и приправами? Пахнет аппетитно. Хенни, дай ложку.

Пока мама пробовала картофель, её дочь продумывала очередной план действий.

Может быть, госпожа Маргрит не знает, как наладить отношения с губернатором и при этом не выглядеть беспринципной? Встреча на открытии кофейни и вынужденное общение с

бывшим возлюбленным смогут хотя бы немного исправить положение, а то и вовсе их поми-
рить. Со своей стороны Ника приложит все усилия, чтобы исправить непростительную ошибку.

— Не поможете мне написать и разослать пригласительные на открытие кофейни? —
спросила она осторожно. — У меня совершенно нет времени. К тому же только вас я могу
просить о содействии в столь ответственном деле.

О том, что она, однозначно, с поставленной задачей не справится, промолчала.

— Разумеется, помогу, — отозвалась мама охотно. — Признаюсь, что тоже думала о
пригласительных посланиях.

Ника была уверена, что губернатор обязательно будет среди приглашённых. Обойти вни-
манием столь важную особу в городе никак невозможно.

Девушка прислушалась. Показалось, что где-то звонит дверной колокольчик: мелодично
и довольно громко.

— Кто-то пришёл, — сообщила Хенни, не трогаясь с места.

— Гаргулья, — встрепнулся Жакуй, щёлкнул языком и вытянул шею.

— Иди, посмотри, — сказала госпожа Маргрит служанке, продолжая есть картофель.

Столкнувшись в проёме с Линой, Хенни отступила на шаг.

— Там просят вас выйти, — услышали женщины неуверенный голос новой служанки,
обратившейся к молодой хозяйке. — Что-то принесли. Большое, — широко развела руками.

— Накладки, — улыбнулась Ника. — Передай, чтобы сложили их в зале на диваны и
ждали меня.

Звук дверного колокольчика ей понравился. Недоумевала, как смогла пропустить время
его установки? Кто руководил работой? Неужели госпожа Маргрит?

Глава 7*

Мама пересчитывала чехлы на мягкие накладки на диваны.

— Почему половина с завязками? — спросила озадаченно.

— Видите тонкую перекладину на спинке? — указала Ника на диванчик, заваленный декоративными накладками. — К ней за эти вот самые завязки на чехлах привязываются наши накладки. Они подойдут и на сиденье стула.

— А я думала, зачем там нужна палка? — вмешалась Хенни, сворачивая в кокон упаковочную ткань. — Хм... красиво вышло, — задумчиво щурила глаза. — Хорошо придумали, хозяйка.

— То ли ещё будет, когда всё встанет на свои места, — не могла насмотреться Ника на салфетки и сложенные в стопку разноцветные чехлы.

Раздался звон дверного колокольчика.

— Кто-то снова пришёл, — замерла Хенни.

— Ты не закрыла дверь? — вскинула на неё глаза госпожа Маргрит. — Иди, посмотри.

— Дверь не закрыла не я, а ваша новая прислуга, — поджала губы служанка, неспешно следуя в переднюю.

— Покажешь Лине, что где лежит, в чём бельё стирать, — распорядилась мама вслед. — Присмотри за ней.

— Я не стану ходить за вашей прислугой и проверять, что и как она делает. Меня никто не учил, — бурчала Хенни на ходу.

Госпожа Маргрит услышала.

— Ты позабыла, — напомнила громко. — Я тебя всему выучила. К слову сказать, готовить тоже.

Служанка не ответила. Перечить прежней хозяйке крайне непозволительно — всякое может случиться.

Из кухни, на лету издавая визгливый пронзительный звук, вылетел Жакуй. Приземлившись на спинку дивана, щёлкнул языком:

— Гаргулья.

— Хороший мальчик, — ответила Ника. — Ты теперь всех визитёров будешь называть гаргулья? Говори... гость. Понял?

Попугай встряхнулся:

— Гарпун...

— Цыц! — прикрикнула на него девушка. — Будешь сквернословить, перевяжу клюв лентой и развязывать стану только три раза в день на время кормёжки.

— Вижу, все в сборе, — в зал вошёл Ван дер Меер с небольшим коробом под мышкой.

Поздоровался и уверенно прошёл к собравшимся у стола женщинам. Погладил ладонью белёсую столешницу, одобрительно кивнул и поставил на неё короб. Улыбнулся, осматривая изменившийся зал кофейни.

— Правда, уже красиво? — улыбнулась в ответ Ника, довольная произведённым эффектом. — Светлые тона зрительно расширили пространство, дали ощущение лёгкости и свободы. Не так ли?

Одно дело смоделировать интерьер на бумаге, и совсем другое — увидеть наяву воплощённые в жизнь идеи и задумки. Не глядя ни на кого, девушка принялась с интересом осматривать коробку, судя по наклейкам, прибывшую из Франции. Не обратила внимания на воцарившуюся тишину.

— Лёгкости и свободы... расширили пространство, — повторила Хенни, не спуская восторженных глаз с молодой хозяйки.

Госпожа Маргрит с отсутствующим видом прочистила горло покашливанием и встала:

— Адриан, есть будешь? Мы только что поели, но...

— Жакуй хочет есть, — сообщил попугай. С невероятной скоростью перелетел на плечо Кэптена.

Тот придержал его, ласково погладил, скосил на него глаза и шутливо спросил:

— Нравится тебе здесь? Не обижают?

Хенни подняла глаза к потолку совсем как молодая госпожа:

— Где его ещё так кормить будут? На одних орехах разориться можно.

— Гаргулья, — щёлкнул клювом Жакуй в сторону служанки.

— Кыш, — отмахнулась та, на всякий случай отступая за спину госпожи Маргрит.

Ника задержала взор на трости Ван дер Меера, оставленной у спинки дивана.

«Совсем как Долговязый Сильвер* и Капитан Флинт», — подметила она. Пират был одноногим, а компаньон...

— Что здесь? — торопливо вскрыла упаковку. — Вау! — вырвалось невольно.

Набор* для приготовления горячего шоколада выглядел сногшибательно. Серебряный кувшин с коротким носиком, деревянной ручкой и отверстием в крышке для сбивалки блестел зеркальными боками. Ложка с длинным черенком и венчик соответствовали ему в полной мере. Такой прибор оставляют в наследство для будущих поколений. На него молятся, ставят в витрину за стекло, чтобы — упаси бог! — не повредить, не поцарапать, сохранить в первоизданном виде.

— Кувшин с подогревом? — пристраивала Ника под его дно миниатюрную горелку. — Боже, какая изумительная вещь! — прижала сосуд к груди.

Хотелось броситься мужчине на шею и расцеловать.

Девушка задержала взгляд на изгибе его совершенных губ, опустила на твёрдый упрямый подбородок, метнула к глазам.

Ван дер Меер смотрел на неё пристально, с лёгким прищуром. Уголки рта дрогнули в едва заметной улыбке.

Ника покраснела и опустила глаза, когда он посмотрел на её губы. В горле вмиг пересохло.

— Идём в кухню, — сказала просевшим голосом, вздыхая, возвращая кувшин в коробку. — Заодно поговорим об освещении зала. У меня есть парочка идей. Я сейчас, — всучила короб Кэптену.

Мазнула пальцем по клюву попугая:

— Мелкий прожорливый диверсант, — и быстрым шагом направилась в свою комнату за эскизами.

Поднимаясь по лестнице, шумно вздыхала. Сгорая от стыда, пытела: «Пф-ф!.. Засыпалась! Как школьница, попавшаяся на списывании контрольной!» Если бы не сон... Снова вздыхала.

В своей комнате девушка застала Лину, перестелившую её постель. На туалетном столике стояла пустая чистая миска и полный кувшин свежей воды.

— Ты будешь убирать и мой покой? — удивилась Ника.

— Госпожа Маргрит велели убирать все покои на этаже. Только сказали спросить у вас насчёт вашей мастерской — убираться там или нет, — чтоб ничего не испортить.

— Я скажу, когда можно будет вымыть пол.

Девушка не стала отказываться от помощи мамы. Её поступок подбросил очередную головоломку. Что потребует женщина взамен — увидим. Живя под одной крышей, придётся договариваться.

Жизнь всегда подталкивает к поиску компромиссных решений. Никогда не бывает только так, как хочется тебе.

Ван дер Меер ждал её в кухне. Расположившись за столом, разговаривал с Жакуем.

— Не дают тебе скучать?.. В клетке не запирают? — допытывался у попугая, сидевшего на спинке стула, стоявшего с другой стороны стола.

Тот слушал, следя за Хенни.

— Не поверите, — хмыкнула она. — Этот ирод летучий всеми уважаемую госпожу Шрайнемакерс гаргульей обозвал, — поставила перед гостем тарелку с жареным картофелем и тушёной телятиной, подала приборы.

— Госпожу Шрайнемакерс? — вскинул голову Адриан. — Зачем она приходила?

Хенни открыла рот, чтобы в полной мере ответить гостю, но её опередила Ника, сделав ей жест рукой уйти:

— Госпожа проходила мимо и решила зайти. Праздное любопытство, — проследила за уходом болтливой служанки. — Я пригласила её на открытие кофейни. Теперь думаю, нужно ли будет обрадовать её выигрышем?

— Выигрышем? — ложка замерла в пальцах мужчины. — Руз, что ты снова задумала? Мы же всё обсудили. Достаточно трат. Через два дня я принесу тебе договор для ознакомления, как договаривались. Перепишешь его начисто.

— Помню, — сникла девушка.

Встала рядом с Кэптенем и положила на стол эскизы подвесного светильника.

Ван дер Меер заглянул в лежавший сверху лист. Наклонил голову к одному плечу, затем к другому:

— Это что? Не могу понять, — ел картофель с мясом.

Ника разложила перед мужчиной эскизы. Показывала и рассказывала:

— Вот для этого светильника нужны длинная полоса прозрачного стекла и цепи для крепления на потолке. Примерные размеры указаны. На полосу поставим свечи, а при помощи цепей станем регулировать высоту подъёма. Светильник разместим над барной стойкой. Свечи случайно не заденешь, пожар не устроишь. Будет светло и безопасно.

Адриан поднял глаза к потолку, прикидывая его высоту, поиграл бровями. Прожевав, изрёк:

— Воск оплывёт и...

Ника поняла:

— Чем толще свеча, тем больше она прогорает внутрь. Можно не беспокоиться, что она станет сильно оплывать. К тому же воск со стекла удалить проще, чем отчищать его от медных подсвечников. На стенах повесим фонари или полочки под свечи, на столах поставим невысокие устойчивые подсвечники в виде чаш, — положила соответствующие эскизы. — Как-то так.

— Керамические? — заметил мужчина.

— Да, сама изготовлю, — поспешила добавить девушка.

— Сама? Вот такие? — подавился воздухом Ван дер Меер. Закашлялся, покраснел.

Ника с готовностью похлопала его по спине, заглянула в заслезившиеся глаза:

— Так лучше? Воды дать?

После его утвердительного кивка сказала:

— Сомневаешься? — подала чашку с водой. — Во мне дремали скрытые таланты. Теперь вот пробудились.

— К добру бы... пробудились, — отпил из чашки Кэптен. — Сегодня ходил к господину Ван Деккеру. Переговорил с ним о нашем деле. Он выдаст положенные бумаги на совместное владение кофейней. После этого, как ты должна понимать, всякие непредусмотренные вложения с моей стороны прекратятся.

— Поняла, пойдёт обратный отсчёт, — вздохнула Ника. — Непредвиденные расходы нанесут нашему делу финансовый ущерб. Я сэконоблю на изготовлении керамической посуды

и за счёт этого сделаю пяток призов к розыгрышу. Для госпожи Сни... Шрайнемакерс придумаю особенный приз. Задобрю её хотя бы немного.

— Задобришь? — подобрался Ван дер Меер. — Зачем?

— Так, на всякий случай, — ушла от прямого ответа девушка. — Вдруг пригодится.

О скидках в день открытия кофейни благоразумно промолчала. Поставит компаньона перед фактом, а там... где наша не пропадала.

Мужчина потёр переносицу и оглянулся на дверной проём.

— Свечи на стеклянной полосе, — проговорил задумчиво. — Нигде такого не видел. Занятно.

— Чаю хочешь? — спросила Ника с надеждой. Старалась отсрочить уход Кэптена. — Печенье есть с сыром и оливками. Новый рецепт. Несладкое. Будешь?

— Чаю... хоч... — раздался скрипучий голос Жакуя. — Хо... хо... чешь, — учил новое слово.

— Смотри-ка, на лету хватает, — подивилась девушка.

— Я же сказал, что якоу умные птицы, — улыбнулся Ван дер Меер.

— Лучше бы он не умел говорить, — возразила Ника.

Жако переступил с ноги на ногу, задёргал головой:

— Бестолочь!.. Фьюи-ить! — покоробил слух звуком сигнального свистка.

— Кто бестолочь? — не сдержалась Ника. — Сам дур... — спохватилась, пропела ласково: — Славная птичка, — скривила губы в ухмылке. — Я научу тебя хорошим манерам. Когда-нибудь.

— У вас здесь весело, — рассмеялся Кэптен, запрокинув голову.

— Приходи чаще, ещё и не такое услышишь. Попробуешь печенье? — пододвинула тарелку с выпечкой.

Спешила налить мужчине чаю, задержать подольше, побыть рядом с ним ещё немного.

Он пробовал печенье, а она стояла сбоку от него и смотрела на его чёткий профиль. В задумчивости отступила на шаг за его спину, подавила мечтательный вздох: «Вот бы сейчас... обнять Кэптена... поцеловать. Как во сне. Сравнить».

Недолго думая, порывисто обняла его со спины за шею, сомкнула руки. Вдохнула его запах, задержала дыхание. Неловко и чуть поспешно впечатала губы в колючую мужскую щёку. Крепко зажмурилась.

Не ошиблась! Было так же приятно, как во сне. Так же волнующе: до дрожи, до головокружения. Затаив дыхание, прошептала:

— Спасибо.

— За что? — услышала тихое, глухое. Её руку накрыла горячая мужская ладонь. Сжала.

Непостижимая радость окрылила Нику: «Не оттолкнул!»

— За всё, — забилось сердце с удвоенной силой. Перед глазами сверкнула яркая вспышка, заплескали разноцветные огни.

— Чаю... хо... чешь? — спросил Жакуй трескучим голосом. Встопорщив перья на шее, издал булькающий звук. — Хочешь... чаю? Хочешь?

* Долговязый Джон Сильвер — персонаж книги Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ», пират. Кличка его попугая — Капитан Флинт.

* Сосуд с ложкой и венчиком для приготовления горячего шоколада, 1727 год

Светильники

Глава 8*

— Руз?

Властный голос мамы вкупе со щёлканьем жако живо сдёрнул Нику с небес на землю.

Девушка поспешно отстранилась от мужчины, который тотчас встал.

Под строгим взором госпожи Маргрит ни один из застигнутых врасплох ни смущённым, ни испуганным не выглядел.

— Мне пора, — обыденно сказал Ван дер Меер. — Спасибо за угощение.

— Я провожу тебя, — вызвалась Ника, желая поскорее сбежать от недовольного сверлящего взгляда женщины.

— Руз, задержись. Адриан знает, где выход, — ледяной возглас госпожи Маргрит требующим впился между лопатками девушки, остановив её.

Когда в глубине коридора затих стук трости гостя, мама встревожено уставилась на дочь.

— Что между вами происходит? — спросила она, багровея от негодования.

Стараясь выглядеть как можно беспечнее, Ника пожала плечами и качнула головой:

— Ничего плохого, — смотрела в холодные глаза госпожи Маргрит. — Вы сами просили Ван дер Меера присмотреть за мной. Невинный поцелуй в щёку — моя благодарность ему за понимание и доверие.

— Ты обнимала его отнюдь не невинно, — женщина подошла к дочери вплотную, глядя на неё с напряжённым вниманием. — Совсем лишилась стыда? Мне следует напомнить тебе, что у него есть жена?

— Нет у него жены, — не отступила Ника. — Адриан отправил прошение о разводе. Их обязательно разведут.

Госпожа Маргрит едко усмехнулась.

— Брачный союз нерасторжимый, — заметила нравоучительно. — Ван дер Меер никогда ни при каких обстоятельствах не получит дозволения на упразднение брака с женой. Помни об этом, дочь, — отчеканила каждое слово.

— Упразднят, — заверила Ника. — У его жены есть другой муж. К тому же она ждёт от него ребёнка. Разве измена мужу не считается тяжким грехом? Анника не просто прелюбодейка, она ещё и двоемужница. Супружеская неверность налицо. Думаете, на это обстоятельство церковь посмотрит сквозь пальцы? — помахала перед своим лицом ладонью.

— Грех, содеянный по неведению, будет смыт чистосердечным раскаянием и принятием Тела и Крови Христовых, — мама степенно перекрестилась. — Женщина оступилась и получит отпущение грехов в таинстве покаяния. Исполнит наложенную священником епитимью — молитвы или дела милосердия, — а также за посильное возмещение ущерба, причинённого мужу, получит даруемое Богом прощение. Примирение супругов неминуемо, — закончила на торжественной ноте.

— А если взять в расчёт кражу денег с банковского счёта? — не преминула Ника освежить память мамы. — За это можно и на каторжные работы отправиться.

Понизив голос, госпожа Маргрит язвительно добавила:

— Напомни мне, дочь, как именно Аннике удалось заполучить в банке все деньги Ван дер Мееров?

— Понятия не имею, — хмыкнула Ника. — Если вам что-либо известно об этом, не скрывайте от правосудия и ока Господня. Пусть судья распутает запутанный клубок гнусного злодеяния и рассудит, кто главный организатор преступления, кто пособник, — с преувеличенным интересом посмотрела на женщину, — а кто подвергся физическому насилию и действовал по принуждению.

Мама окинула дочь долгим высокомерным взором.

— Закончим пустой разговор, — вздохнула коротко и тихо, обессилено сказала: — Если Адриан не пойдёт на примирение с женой, то ему предстоит пройти долгий и нелёгкий путь. Не один год он будет пребывать в незнании и сомнениях по поводу того, будет ли его брак с Анникой упразднён. Пока не будут произведены положенные церковные трибуналы, пройдёт немало лет. Только после одного наступит право на его повторное вступление в брак.

Невзначай вспомнив о чём-то важном, госпожа Маргрит встрепелась:

— А и здесь есть неодолимое препятствие — тот, кто женится или идёт замуж за разведённого — прелюбодействует, а значит грешит. Второй раз сочетаться браком дозволено только вдове или вдовцу.

«Я подожду аннулирования брака», — мысленно ответила Ника, собираясь уйти.

— погоди, дочь, — остановила её мама. — После погребения Якоба ты ни разу не сходила на его могилу. Об этом уже судачат.

— И не пойду, — девушка отступила от женщины на шаг. — Я не забыла, как брат собирался убить соседа. Помню, как бил и душил меня, как грозился отправить на верную смерть в лечебницу Питье-Сальпетриер для душевнобольных, — потёрла шею в месте бывших синяков от пальцев Якубуса.

Госпожа Маргрит в немом испуге вскинула брови и приподняла подбородок — жест дочери не остался незамеченным. Молчала.

Ника отошла от неё к другому концу стола:

— Реши он избавиться от меня, вы бы не вмешались. Так? Вы бы позволили ему, — горло сдавил спазм.

Последние слова девушка произнесла едва слышно; на глазах выступили слёзы.

— Якоб никогда бы так не поступил, — горячо запротестовала мама. — Он стращал тебя. Ты разгневала его своим непослушанием. Он любил тебя, дочка.

— Любил? — Ника скривила губы в болезненной усмешке. — Он убийца и вор, ваш любимый Якубус. Пусть горит в аду! Если бы ему понадобилась ваша смерть — он бы, не задумываясь, убил и вас. Я ничуть не жалею о его смерти. Ничуть! Собаке собачья смерть!

Госпожа Маргрит судорожно всхлипнула:

— Ты жестокосердная, Руз, — и накрыла лицо ладонями. Плечи затряслись от беззвучных рыданий.

С визгливым криком:

— Гаргулья! — Жакуй перелетел на резной карниз буфета, подняв воздушную волну.

Мама от неожиданности вздрогнула и отняла ладони от заплаканного лица.

Широко открыв глаза, Ника попятилась.

— Где его цепь? — указала пальцем на попугая. — Госпожа Шрайнемакерс права — раз уж вы взяли ответственность за птицу на себя, держите его на цепи или в клетке и выпускайте полетать строго по расписанию. На кухне и в зале кофейни ему, в самом деле, не место. Не ровен час вот так пролетит над уважаемым посетителем кофейни и нагадит ему в тарелку или на голову.

Толкнув дверь ногой, в кухню вошла Хенни с половой щёткой на плече.

— Верно заметили, хозяйка, гадит, ирод, — покосилась на жако.

Набирая воду, гремела ведром:

— Вот сейчас приберусь, и утром сами увидите, что тут будет.

Госпожа Маргрит растёрла лицо ладонями, аккуратно высморкалась в платок и подошла к буфету. Подняв голову, ласково заговорила:

— Лети ко мне, Жакуй. Мы уходим. Здесь нас не понимают и не любят. Ну, лети же, птичка.

Попугай спикировал на плечо женщины. Заглянув ей в лицо, копируя голос и интонацию Ники, спросил:

— Чаю хочешь?

— Жакуй славный, — похвалила его госпожа Маргрит, глядя по спинке. — Хенни, принесяшь клетку в мой покой.

— Где ваша прислуга? — заворчала служанка ей вслед. Вздохнула: — Справилась и домой ушла? А вот не следует её так рано отпускать, бесстыжую.

Ника взяла клетку и поспешила за мамой.

Разговор с ней оставил в душе тяжёлый осадок и, в самом деле, ощущался ненужным и пустым. Каждый остался при своём мнении. Но девушку терзали сомнения: «А что если госпожа Маргрит права и развод Кэптена невозможен? В лучшем случае он растянется на годы или вовсе на десятилетия».

Ждать своего счастья до старости не хотелось. Любить и быть любимой хотелось сегодня. Здесь и сейчас.

Сможет ли любовь Ники выдержать испытание временем?

Госпожа Маргрит добилась своего: нечаянный поцелуй в глазах Ники утратил привлекательность. Острота впечатления притупилась, померкла.

✠

Ника пробудилась от лая соседской собаки, продолжавшей вещать бесконечную сольную партию.

Сладко потягиваясь, с глубоким вдохом пожалела бедолагу: «Её, точно, не кормят. Или мучают. Разобраться в срочном порядке», — сделала мысленную зарубку.

Несмотря на ранний час, заснуть снова девушка не смогла. Долго ворочалась, затем решительно встала, умылась. Причёсываясь, потрогала заметно уменьшившуюся, переставшую болеть рану на затылке.

Пересмотрела и подправила эскизы столовой керамической посуды и пивных кружек, над которыми засиделась допоздна. Оделась в рабочее платье и спустилась в зал кофейни.

Там было тихо и сумрачно. Пахло новой мебелью. Из кухни проникал аромат свежей выпечки, тушёного мяса с капустой и копчёных колбас. Слышался сварливый голос Хенни:

— Не стой тут. Иди полы мыть на втором этаже.

— Про уборку покоев на втором этаже мне хозяйка ничего не говорили, — ответила Лина.

— Так и будешь стоять египетским изваянием?

— Не буду. Дай мне ведро. Я налью воды и отнесу Гуго. Он велел мне принести ведро воды.

— Какой он тебе Гуго?! — взвилась Хенни. — Он на двадцать годков старше тебя!

— На семнадцать, — не смутилась девица.

— Иди отсюда. Я сама отнесу ему воды, — Хенни загремела тарелками. Не могла успокоиться. Голос сочился недовольством: — Тебя наняли прислуживать госпоже Маргрит, а не совать нос, куда не следует.

— Я не сую, — огрызнулась Лина.

Высочив из кухни, она налетела на Нику и толкнула её в бок. Ойкнув и покраснев, проскочила мимо, устремившись вверх по лестнице.

— А поздороваться? — крикнула ей вслед Ника, морща нос от громкого звука подошв клопцов. Уже Хенни: — Что за разборки с утра пораньше? — осматривала кухню в поисках жако.

— Гуго её занимает, видите ли, — проворчала служанка. — Так и вьётся вокруг него говорливой пташкой, срамница.

— А он что? — Ника присела у фаянсового рукомойника, рассматривая отбитый угол на предмет восстановления.

Слушала Хенни вполуха, занятая своими мыслями: «Не восстановить... Клея прозрачного нет. Да и откуда ему взяться? Жалко... Красивый рукомойник... был. Предстоит изготовить новый, не такой помпезный и гораздо удобнее».

Представила его — где-то виденный керамический бочонок* литров на пять, выполненный в едином стиле с миской-умывальником, установленными на туалетном столике. Если в «умывальнике» проделать сливное отверстие и под него подставить ведро, спрятанное за дверцей, то всякий раз выливать из миски использованную воду не придётся. Роль водопроводного крана в данном случае будет играть бочонок.

«Хочу такой себе в комнату», — размечталась девушка. И обязательно схожий с ним поставить в будущий санузел.

— Выгнать её надо, — услышала Ника недовольный голос Хенни.

— Почему? — спросила без особого интереса.

— Чтоб неповадно было чужих женихов отбивать, — загремела служанка ведром.

Ника, наконец, поняла, в чём дело.

— Оставь всё как есть, — сказала, вернувшись к поискам попугая. — Если Гуго любит тебя, то ни на кого больше не посмотрит. Если ты ему не нужна, значит, и он не для тебя. Пусть катится на все четыре стороны.

— Так я никогда себе мужа не найду, — шмыгнула носом Хенни.

— Тебе нужен муж для статуса замужней женщины или любовь к нему всё же прилагается?

— Я люблю Гуго, — протяжно вздохнула Хенни, вытирая нос полкой передника.

— Значит, бери его в охапку и тащи в церковь. Только если он после женитьбы станет гулять от тебя — не плачь.

— А что мне тогда делать? — служанка с интересом присматривалась к госпоже.

— Оставь всё как есть, — уверенно повторила Ника. — Не вешайся ему на шею. Знай себе цену. Поняла? К новенькой не вяжись. Пусть Гуго видит, что она тебе не соперница. Ты лучшая: красивая, добрая, умелая, готовишь так, что язык можно проглотить, — звонко причмокнула.

Хенни отвернулась и засморкалась сильнее.

Не обнаружив жако в кухне, Ника с удивлением уточнила:

— Наш крылатый сквернослов ещё спит? Или госпожа Маргрит посадила его под домашний арест?

— Скажете тоже, — улыбнулась служанка. — Госпожа Маргрит приходили, взяли ему питьё и еду и ушли. А вы что-то рано встали, хозяйка. Голова болит? Кровь спёкшуюся вычесать не надо?

— Вроде не болит, — потрогала Ника затылок. — Кровь больше не шла.

— К лекарю всё одно сегодня ходим, как он велел. Есть будете?

Могла не спрашивать. Кто ранним утром откажется от порции молочной рисовой каши с кусочком ароматного сливочного масла и чашки крепкого травяного чая со свежей выпечкой?

Девушка ела и прислушивалась к доносившимся из коридора звукам.

Хенни тоже слышала голоса, но понять, о чём говорят Лина и Гуго, не могла.

— Бесстыжая, — пробурчала она, заметно приуныв.

— Позови Лину и дай ей ведро воды, — подсказала Ника. — Она, наверное, уже Гуго пожаловалась на тебя. Разочаруй её.

Подбодрила, делая вращательное движение кистью руки:

— Давай, Хенни, веселее, увереннее. Ты — лучшая.

— Скажете тоже, — засмушалась служанка.

Послушно вышла за дверь и зычным голосом позвала новенькую.

Когда та пришла, всучила ей — немного растерявшейся, — ведро с водой и, как ни в чём не бывало, подогнала:

— Пошевеливайся. Гуго заждался.

— Так ты сама хотела отнести, — удивилась Лина.

— Хотела, перехотела, — выпроваживала прислугу из кухни. — Давай, живей, а то квёлая, как та индюшка, которой самое место на вертеле.

Ника в знак одобрения подняла большой палец:

— Так держать. Лук крупный купила?

Глаза Хенни осветились радостью:

— Купила всё, как вы велели, хозяйка.

Сегодня в планах значилось приготовить на пробу различную закуску и составить «пивные тарелки»*.

«Пивная тарелка №1» — жареные в пиве куриные крылышки, луковые кольца в кляре, картофель фри.

«Пивная тарелка №2» — куриное филе в кляре, сырные палочки, луковые кольца в кляре.

«Пивная тарелка №3» — рыбные крокеты, луковые кольца в кляре, хрустящие хлебные палочки с чесноком и сыром — гриссини*.

К закускам будет предложен чесночный соус с зеленью и острыми приправами, приготовленный на основе жирной сметаны. Не исключалась возможность составить тарелку по желанию посетителя.

Хенни получила чёткие инструкции и всё приготовит в небольшом количестве, пока её молодая хозяйка будет удивлять гончара своими познаниями.

Отдельной закуской пойдут орешки, чесночные сухарики, гренки ржаные, творожное печенье с миндалём, печенье с сыром и оливками. Варёные и жареные пельмени, различные бутерброды, омлет с зеленью, тонкие блинчики с мясом, чебуреки. Рыба. Копчёные колбасы, вяленое мясо, сыр. Сезонные овощи и фрукты.

Можно приготовить хачапури. Нежный вкус когда-то отведанного блюда Ника помнит до сих пор. Не уверена, что выпечка в форме лодочки с открытой начинкой из сыра, яйца и кусочка сливочного масла получится с первого раза, но попытаться стоит.

Если к пиву предлагались многочисленные простые и сложные закуски, то ассортимент сладких блюд к горячим напиткам выглядел куда скромнее. Ставка делалась на горячий шоколад. Чай, кофе и морсы прилагались. Сладкая выпечка — медовик, несколько разновидностей печенья, треугольные сырники с изюмом, блинчики с творогом. Если кто-то из дам пожелает отведать что-нибудь приглянувшееся из закусок к пиву, в частности несладкое печенье и бутерброды, — Ника будет рада.

Девушка вышла на крыльцо заднего двора. Подняла глаза к яркому голубому небу без единого облака. День обещал быть тёплым и погожим.

Розовая от удовольствия Лина что-то рассказывала Гуго. Заметно с ним кокетничала.

Ника усмехнулась: «Малолетка, в самом деле, положила глаз на садовника». Правда, тот на неё не смотрел — ровнял небольшую круглую клумбу под посадку принесённых с собой кустиков лаванды. Или делал вид, что молоденькая, привлекательная Лина его не интересует.

«Поживём — увидим, — подумала девушка. — Если Гуго в самом деле...»

Сбитая с мысли громким лаем соседской собаки, Ника сорвалась с места и решительно направилась к калитке.

— *Достала, зараза!* — проговорила возмущённо, проходя мимо застывших в изумлении садовника и Лины. — *Пора положить этому безобразию конец.*

Рукомойник

Глава 9*

Находясь в состоянии сильного возбуждения, Ника не заметила, что говорит *на русском языке*.

Не рассчитала она и силу ударов дверным молотком в нарядную входную дверь соседского особняка. Поморщилась от гулкого звука тяжёлого латунного ударника в виде головы льва с подвижным кольцом в пасти.

Открыли ей почти сразу. Немолодая женщина в сером простом глухом платье и таком же переднике, недовольно проговорила:

— Зачем так в дверь колотить? Шумливых мы не любим, — поправила плотно прилежавший к голове чепец, закрывавший уши.

Скользнула по беспокойной гостье быстрым оценивающим взглядом и посторонилась, впуская в переднюю:

— Хозяйка тебя ждут. Иди в сад, — указала на прямой полутёмный коридор, в конце которого в открытую дверь лился утренний свет.

Ника пошла в указанном направлении. Объяснять прислуге причину своего визита и просить позволения войти — много чести!

Женщина последовала за ней.

На широком крыльце в большом кресле спиной к двери сидела сторбленная сухонькая старушка со сморщенным, будто печёное яблоко лицом. Траурное строгое платье и чепец казались ей велики. Она утопала в иссиня-чёрном жакете с белой опушкой.

Беглым взором Ника осмотрела внутренний двор соседей, оказавшийся раз в пять больше их двора. От обилия ярких красок на миг закрыла глаза.

Цветущие тюльпаны... Их было много... разных. Настолько много, что в глазах зарябило от буйства красок. Пахло пьяняще и терпко — пахло весной. Девушка жадно вдыхала аромат свежей зелени с лёгкой медовой ноткой.

— Госпожа Лейфде, к вам пришли наниматься на работу, — доложила служанка, подтолкнув вперёд застывшую визитёршу.

— Руз? — услышала она и обернулась на голос.

В пяти шагах от крыльца на дорожке, ведущей вдоль дома, стоял большой мольберт. За ним в испачканной красками широкой куртке замер невысокий темноволосый парень лет шестнадцати.

— Руз... — выдохнул он рвано, уставившись на неё во все глаза. Шагнул к ней, не решаясь подойти.

— Руз? — встрепенулась старушка, подслеповато щурясь, рассматривая Нику с головы до ног. — Дочь Маргрит ван дер Зи и Лукаса ван Вербума?

— Простите, госпожа Руз, — служанка с виноватым видом отступила в дверной проём. — Я спутала вас с... Мы ожидаем прихода новой горничной.

— Не извиняйтесь, — отмахнулась Ника. Знала, что в простом платье выглядит как прислуга. — В такой одежде работать удобнее.

— Работать? — надтреснутым голосом проговорила госпожа Лейфде, в этот раз медленно и придиричливо разглядывая гостью. — Не думала, что Маргрит ван дер Зи настолько впадёт в бедность, что позволит своей дочери... работать, — нажимом выделила последнее слово, брезгливо кривя тонкие синие губы.

— Подай чаю, — распорядилась она, повернув голову к служанке. — Дэниэл, не стой столпом, принеси стул для Руз.

Ника вспомнила, как Хенни говорила, что по соседству живут старуха с дочерью и сыном. Вот и познакомились.

— Спасибо, госпожа Лейфде, не стоит беспокоиться. Я только что поела и пришла буквально на пару минут.

Прислушалась. Собака не лаяла — затихла, заслышав голоса.

— Тебя не узнать, — старушка заёрзала в кресле, усаживаясь удобнее. С её колен съехал тяжёлый шатлен с обилием предметов. Повис на толстой серебряной цепи. — Выросла, красавица стала.

Служанка неслышно подошла и уложила шатлен на колени хозяйки. Та придержала его худой морщинистой рукой.

— Как же ты похожа на Лукаса, своего отца. Уж больно он был хорош собой, хоть ростом и не вышел. А глаза... — пожевала сморщенными губами. — Они у тебя такие же синие? — вздохнула, вперив взор блёклых глаз на лицо девушки. — Моя Лауренсия упокоилась в тот же год, как и твой отец, — госпожа Лейфде перекрестилась дрожащей рукой. — Любила Лукаса, негодница. Ушла за ним.

— Бабушка, — нетерпеливо остановил её Дэниэл.

— Чего уж там, — качнулась в кресле хозяйка дома. — Не пережила его потерю, неразумная. Тебя, вот, бросила на меня, старуху. А ты с чем пришла? — вскинула на гостью задрожавший подбородок, открыв тощую с дряблой кожей шею. — Слышала, что Маргрит ван дер Зи снова гостевой дом открывает? Зачем она тебя ко мне прислала? Денег просить?

— Я пришла узнать, что с вашей собакой. Лает беспрестанно, — пояснила Ника. — Больная что ли?

На мучителей ни госпожа Лейфде, ни её внук не походили. Семья в деньгах не нуждалась: ухоженный сад изобиловал сортавыми тюльпанами, дом просторный, добротный, его обитатели сыты и довольны жизнью.

— Собака? — удивилась старая женщина. — Ты говоришь о Бадди?

Ника промолчала. Приподняв брови, с немим вопросом взирала на юношу.

— Мешает почивать? — хозяйка дома снова кривила губы. Её цепкие пальцы сильнее сжали цепь шатлена.

— Мешает, — с вызовом ответила Ника. Не нравились бестактные замечания о госпоже Маргрит. Ехидная старуха. — Если собака больная — лечите.

Развернулась на пятках, собираясь уйти, но голос госпожи Лейфде остановил.

— Лечить? — напористо сказала та в спину гостьи. — Тут даже Господь бессилен. Дэниэл, покажи Руз нашего Бадди, — указала рукой в сторону высокого каменного забора.

Пока шли к месту, девушка рассмотрела заметно волновавшегося парня. Одного с ней роста, с глазами цвета лесного ореха, он смотрел на неё настороженно и чуть смущённо. Чем-то напомнил одноклассника, в которого Ника влюбилась в восьмом классе. Такой же робкий, с едва пробивающимся пушком над пухлой верхней губой, не красавец, но очень приятный. И голос у него такой же негромкий и ломкий.

Собака, как и предполагала девушка, оказалась небольшой, чёрно-белого окраса, с острой мордочкой, стоячими ушами, напоминавшими крылья бабочки, и большими грустными глазами.

«Той-спаниель», — узнала Ника породу, часто изображавшуюся малыми голландцами на своих картинах.

Увидев людей, Бадди нетерпеливо заскулил, затоптался передними лапами на толстой подстилке, натянул поводок, привязанный к скамье, но с места не сдвинулся. Задняя часть туловища осталась неподвижной. Пёсик мог ходить, опираясь на здоровые передние лапы, волоча заднюю часть тела по земле. Несмотря на увечье, он выглядела упитанным и чистым. За ним ухаживали.

Ника присела перед ним, погладила по голове.

Бадди лизнул её руку.

Дэниэл присел рядом.

— Какой он славный, — сказала девушка без тени улыбки. — Сколько ему лет? Что с ним случилось?

— Шесть лет. Его мне подарила мама за полгода до своей смерти. А четыре года назад Бадди попал под карету и с тех пор не ходит. Он пытается всякий раз, но не может. Мы привязываем его, чтобы он не ползал. Так он стирает шерсть и кожу до крови.

— Ему же не больно? — ощупывала Ника заднюю часть тела спаниеля. — Иногда животное милосерднее усыпить, чем обречь на муки.

— Спустить кровь? Убить?... — Дэниэл рывком встал, сжав ладони в кулаки. — Его нельзя убивать. Его мне подарила мама. Если бы ему было больно, он бы лаял по-другому. Я помню, как он скулил, когда у него заживали переломы. Мы его долго лечили у лекаря.

— Почему он лает, не скажешь? Разве собака станет лаять, если её ничего не беспокоит?

— Я не знал, что его лай мешает вам. Его можно привязать с другой стороны дома, — с готовностью предложил Дэниэл.

— А с другой стороны соседей нет? — усмехнулась Ника.

Юноша не ответил, нахмурился.

— Он лает, потому что всё время один? — допытывалась девушка, зная ответ. — Требуется общения, хочет бегать, резвиться, но вам не до собаки? Вы устали от него, — с укором сказала она.

Дэниэл опустил голову. Молчал.

— Вы сохранили ему жизнь, но лишили своего общества, — вздохнула Ника. — Главное для собаки — возможность каждую минуту быть рядом с хозяином, выполнять его команды, любить его. Изготовь для него ходунки, — предложила она неожиданно для себя. — Он будет бегать за тобой и радоваться жизни.

— Ходунки? — удивился юноша. — Что за ходунки?

— У тебя есть карандаш и бумага? Неси, нарисую. Видела такие, правда, один раз, мельком, но, вроде, ничего сложного в их изготовлении нет.

— Я сейчас, только не уходи, — Дэниэл быстрым шагом ушёл в дом, а Ника осталась со спаниелем.

Гладила Бадди и разговаривала с ним:

— *Я ведь думала, что ты вредный, а ты такой милашка.*

Он лизал ей руки, жалобно скулил, просительно заглядывал в глаза.

— *Не переживай, мальчик. Дэниэл изготовит для тебя ходунки, и ты снова будешь бегать. Вон, какие у тебя сильные передние лапы.*

Ника поставила собаку на лапы, подняла заднюю часть тела, примериваясь, насколько высоким должно стать приспособление.

— *Скажи, за что тебе всё это дано?* — расстроилась она. — *За чьи грехи ты наказан?*

Дэниэл вернулся быстро и взял пса на руки. Тот не упустил возможности облизать лицо хозяина.

Они сели на скамью.

Девушка делала эскиз и объясняла, как ходунки должны поддерживать неподвижную часть тела спаниеля.

— Смотри и думай, Дэниэл, из чего и как их можно изготовить. Не сможешь осилить сам — найди того, кто сможет. У вас достаточно денег, и проблем быть не должно. Детали для ходунков вряд ли будут стоить дорого. Деньги есть? — уточнила она на всякий случай.

Юноша кивнул:

— Бабушка даст. Она очень любит Бадди, но быстро устаёт от его лая. Раньше он был спокойный, а теперь... — покраснел и замолчал.

— На нас лает, — договорила Ника. — Пока за забором стояла тишина, он молчал. Теперь слышит чужих. Верно?

— Верно, — согласился Дэниэл.

— Вот, смотри, это два колеса...

Девушка рисовала и показывала на Бадди, что и как будет крепиться к его телу.

— Возможно, в ходе изготовления потребуются правки — что-то добавить или убрать.

Главное — хорошо представлять то, что ты собираешься соорудить.

— Ты меня совсем не помнишь? — вдруг спросил Дэниэл, безотрывно глядя в глаза Ники.

Она растерялась. Руз давно ничего ей не только не подсказывала, но и не влияла на её поведение. Больше не чувствовалось её незримого присутствия. Душа Неженки окончательно покинула своё тело, оставив новой владелице множество загадок.

— Помню, — солгала Ника.

Парень с облегчением выдохнул и пододвинулся ближе.

— Всё помнишь? — смотрел в её лицо с немым восхищением.

— Не отвлекайся, — девушка постучала карандашом по плотному листу бумаги. — Здесь будут рама, стойки, колёса. Здесь ремни для подвешивания зада нашего пёсика. Снимешь его размеры — высоту в холке и длину корпуса.

— Он не станет ходить в таком... — Дэниэл не мог подобрать подходящее слово.

— Будет. Вот увидишь, — заверила Ника. — Конечно, сначала ему будет непривычно, даже страшно, но потом он приспособится.

В подтверждение её слов Бадди громко и азартно залаял.

— Смотри, согласен со мной, — улыбнулась девушка. — Славный мальчик, — потрепала его по голове.

Когда над ними раздался громкий лай, Ника подумала, что у неё что-то случилось со слухом. Она подняла голову, как и Дэниэл, и спаниель.

На каменном заборе сидел очень похожий на Жакуя попугай и лаял точь-в-точь как Бадди.

Спаниель зашёлся злобным истеричным лаем.

Попугай не отставал, нагло копируя собаку.

— Надо же, — удивилась девушка, — был один пёс, теперь стало два. И оба нервные, — рассмеялась.

— Он же не собака, а лает, — прошептал Дэниэл, заморожено глядя на заморскую птицу.

— Дразнится, — усмехнулась Ника. — Откуда он взялся? Если его поймать, то у Жакуя появится друг. Или подруга.

Тщательно присматривалась к лающему имитатору, нет ли на его ноге цепочки или бечёвки.

— У тебя есть попугай? — еле дыша, удивился юноша. — Покажешь? Всегда хотел иметь такого.

Замолчал и Бадди.

— Поймаешь, будет и у тебя, — Ника не сводила глаз с птицы.

— Высоко, незаметно не подобраться, — не двигаясь, прошептал Дэниэл.

Пока они, задрав головы, смотрели на жако, тот потерял интерес к замолчавшей собаке и двум зевакам. Взмахнул крыльями — только его и видели.

Ника отдала чертёж ходунков соседу.

— Мне пора, — направилась к крыльцу, где в кресле сидела заснувшая госпожа Лейфде.

Служанка с вязанием в руках расположилась чуть поодаль.

Оставленный Бадди снова зашёлся лаем.

— Что рисуешь? — спросила Ника, поспешно сворачивая к мольберту.

— Не смотри! — догнал её встревоженный голос Дэниэла. — Я ещё не закончил!

Ника встала перед мольбертом, мельком отметив небольшой загрунтованный холст на подрамнике, покупка которого в нынешнем времени обходилась довольно дорого, на низком столике испачканную тряпку, разбросанные кисти, палитру со смешанными красками, оставленный табурет.

Засмотрелась на почти законченную картину. Задумалась.

Подивилась безудержной фантазии Дэниэла, полёту его мысли, порыву души.

Большинству произведение показалось бы странным, но не Нике.

Видела город с высоты птичьего полёта — похоже, Зволле, — где, выступая на передний план, главенствовали тюльпаны. Парень с удивительной точностью передал их форму и сочный красный цвет.

Видела исполненный в воздушной перспективе пейзаж глазами Дэниэла. Противопоставление ближнего и дальнего, пространственный контраст, взгляд вдаль. Необычно, смело, притягательно.

Понимала юного художника. Родной город виделся ему именно таким: целостным, объёмным, с его жителями, ожившими под его рукой, с рекой и каналами, улицами, площадями, церковью и башней.

— Очень красиво, — не солгала Ника. — Любишь красные тюльпаны?

Парень порозовел от удовольствия:

— Люблю. А ты разве не любишь?

— Люблю. Это Зволле? Ты поднимался на башню, — догадалась девушка.

— И не один раз.

— Что ещё видно оттуда?

Дэниэл указал на незаконченное место на картине:

— Здесь сливаются два ручья и образуют реку, нашу Зварте-Ватер.

— Что-нибудь ещё видно? — Ника не знала, о чём желала услышать. Нестерпимо захотелось подняться на башню повторно, дойти до самого верха, рассмотреть то, чего не видит никто.

— Если день погожий, то можно увидеть Кампен.

«У парня талант», — не побоялась девушка громкого слова. Быть может, его полотна в будущем украсят частные коллекции или самые великие музеи мира? Возможно, ей знакомо его имя?

Руз знала фамилию соседей, а вот Ника...

— Каким именем ты подпишешь картину? — зашла она издалека.

— Разве их нужно подписывать?

Ника знала, что в это время художники не подписывали свои картины. Быть может, именно поэтому многие из них так и остались безвестными, а их работы были приписаны другим мастерам, писавшим в сходной манере.

— Обязательно нужно. Для потомков. Твои картины не должны затеряться. Только не бери псевдоним, — пыталась выудить полное имя парня. — У тебя хорошее имя.

Дэниэл густо покраснел и... замолчал.

Ника вздохнула: его фамилию она спросит у госпожи Маргрит.

— Мне пора. Дел много, — заторопилась она покинуть не слишком гостеприимный дом.

Сосед увязался за ней.

Сдерживая улыбки, они прокрались мимо спящей старушки и под неодобрительным взглядом её верной служанки вошли в дом.

— Ты ещё придёшь? — голос юного художника изобиловал тоскливыми нотками. — Приходи.

— Приду, — девушка шла к выходу длинным тёмным коридором. — Принесу приглашение на открытие кофейни. Приходи с бабушкой.

— Бабушка навряд ли пойдёт, а я приду обязательно.

Дэниэл вышел на улицу следом за Никой и смотрел ей в спину, пока она не вошла в калитку своего двора.

Гуго к тому времени закончил делать клумбу, посадил лаванду и подметал дорожку. Возле него не вертелась Лина.

Ника прислушалась: Бадди не лаял.

Дом встретил непривычной, подозрительной тишиной. Не слышалось стука кухонной утвари и ворчания Хенни, не кричал Жакуй, не топала Лина деревянными подошвами клонпов.

Дом будто вымер.

Наш юный художник)

Не Зволле, конечно, но очень похоже. Главное — тюльпаны)

Глава 10*

Выйдя к лестнице, Ника увидела Лину, прижавшуюся к закрытой двери в кухню. Служанка настолько увлеклась подслушиванием, что не замечала ничего и никого вокруг.

— Уши греем? Заняться нечем? — громко спросила Ника, становясь в позу моралиста.

Лина вскрикнула и отшатнулась. Едва не упала, зацепившись ногой за приткнутую к стене половую щётку.

— Шпионишь? — напирала Ника, не давая прислуге опомниться. — Быстро признавайся, кто тебя к нам подослал? Говори как на духу!

— Н-никто, — запинаясь, промямлила Лина, пятась к лестнице.

— Правду говори! — не отставала Ника.

Служанка отчаянно замотала головой, заныла:

— Никто... не подсылал, госпожа Руз.

— Если врёшь — берегись, — Ника свела брови и погрозила ей пальцем. — За разглашение информации без согласия её обладателя в суд на тебя подам. Засужу ко всем чертям.

— Ой-ёй, — заохала Лина, вытаращив глаза. — Простите, хозяйка. Я больше не буду подслушивать.

— То-то же, — забавлялась Ника её испуганным видом. — Брысь отсюда! — усмехаясь, смотрела ей вслед.

Застать за подслушиванием Хенни — дело привычное. Она не прячется, выкрутиться не старается. А вот что новая служанка госпожи Маргрит будет рыскать по дому, таиться в тёмных углах, подглядывать и подслушивать — открытие не из приятных. Ладно бы удовлетворяла собственное любопытство, а вот если, в самом деле, станет кому-то докладывать обо всём, что услышит и увидит...

— Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, — вошла Ника в зал.

У окна в VIP-зоне за сервированным к чаю столом сидели госпожа Маргрит и... девушка замедлила шаг. Занявшись обустройством кофейни, она совсем забыла о банкире, который должен был вернуться за ответом через две недели!

«Прошло две недели? Всего две недели?» — изумилась Ника. Сколько она живёт в этом времени? Месяц? Всего месяц? Казалось, что времени прошло намного больше. Не понимала, как умудрилась за короткий срок наворотить столько дел — и плохих и хороших?

Вспоминать о плохом она не станет. А вот о хорошем, о её детище — кофейне, думать всегда приятно.

Безусловно, без помощи компаньона даже при наличии средств она бы не осилила и пятой части задуманного. Понимание постоянно меняющегося рынка, связи с торговцами, мужская хватка, прозорливость, опыт ведения дел, холодный расчёт — всё Ван дер Меером наработано годами. То, чего так не хватает Нике, в нём присутствует в избытке. Обзавидоваться можно.

Геррит ван Ромпей поднялся ей навстречу. Улыбаясь, нетерпеливо шагнул, протягивая обе руки:

— Милая госпожа Руз! — улыбнулся открыто. Глаза светились теплом и нежностью. — Наслышан, наслышан... — сжал её ладони, удерживая, не спеша отпускать. — Чрезвычайно рад вашим успехам. Вы непревзойдённая выдумщица. Кофейня превзошла все мои самые смелые ожидания.

Ника густо покраснела, чувствуя себя неловко под его пристальным взглядом.

«Обо всём знает или нет? Кто рассказал? Насколько подробно?» — с беспокойством посмотрела на госпожу Маргрит. Та вздёрнула бровь и отвела глаза — понимай как хочешь.

Ван Ромпей выглядел доброжелательным и искренним.

— Рада вас видеть, — улыбнулась девушка, всматриваясь в лицо мужчины, отвечая на его деликатное рукопожатие.

Заметила в глубине его глаз плохо скрытую, притаившуюся тревогу и такую знакомую ей боль и щемящую тоску, что сердце сжалось от жалости. Не думала, что когда-нибудь её будут волновать чужие чувства.

Банкир проводил её к столу, подождал, пока она сядет рядом с госпожой Маргрит.

Когда он отвернулся, чтобы сесть напротив них, мама поспешно шепнула дочери на ухо:

— Ему писали о каждом твоём действе.

Нике стало неприятно, что старик организовал за ней слежку. Между тем нет худа без добра. Тайный агент значительно упростил ей задачу, всё встало на свои места: отказывать Ван Ромпею на его предложение руки и сердца уже нет необходимости. Надеюсь, что доносчицей стала не госпожа Маргрит. Может быть, госпожа Сникерс? Или?.. Да кто угодно! Гадать бесполезно. Вся её жизнь как на ладони. Опустила глаза под долгим пронизывающим взглядом мужчины.

— Вы и в простом одеянии божественны, милая госпожа Руз, — задержал взор на её тонкой талии и груди, подчёркнутой узким корсажем.

Ника не смутилась, слегка наклонила голову, благодаря за комплимент. Убрала упавший на лоб завиток волос.

— Всё-таки кофейня, — банкир откинулся на мягкую накладку на спинке дивана и в раздумье пожевал губами.

— Как видите, — улыбнулась девушка.

— Госпожа Маргрит изволили попотчевать меня дивным печеньем и вот этим, — указал на сырные палочки. — Изысканный вкус. Никогда ранее ничего подобного не ел. Выше всяких похвал.

Мама энергично закивала. Улыбалась, наслаждаясь похвалой, будто возносили её.

— Расскажите, милая госпожа Руз, — мужчина скользил глазами по её лицу, — всё ли у вас складывается как вы того желаете? Зная об истинном положении дел вашей семьи и пустячном состоянии вашего компаньона, — метнул взгляд на госпожу Маргрит, — готов оказать любое посильное содействие в столь необычном для девицы начинании.

«Знает всё обо всех», — убедилась Ника. В расчёт Ван дер Меера не берёт, намеренно подчёркивает его несостоятельность и ненадёжность.

Бросила взгляд на банкира: «Интересно, вернётся он к Кэптену с прежним предложением взять кредит на выгодных условиях или нет? Как в таком случае отреагирует Адриан? Всё же так он морской офицер, а не трактирщик».

Поскольку Ван дер Меер вложил все свои деньги в кофейню, хотелось верить, что он принял окончательное решение. Если только кто-либо не перекупит его долю. Будет ли Ван Ромпей пытаться сыграть на этом? Как поступит Кэптен? Недооценивать силу золота нельзя. Договор не подписан, условия о неустойке в нём не прописаны. Ника даже не говорила с компаньоном на эту тему.

— Не скажу, что всё у меня выходит гладко, — поскромничала она, — но я, как видите, довольна результатом.

Она встала. Поворачиваясь вокруг себя, обвела зал медленным взором:

— Ещё не вся мебель на месте, многого не хватает, но уже через две недели кофейня «Ветер странствий» гостеприимно распахнёт двери навстречу новой жизни. Приезжайте на открытие, господин Ван Ромпей. Обещаю, будет интересно.

Банкир поднялся. Заложив руки за спину и сцепив их замком, расправил плечи. Подошёл к Нике.

Близко, непристойно близко.

Она не смутилась, не отступила. Слышала его глубокое свистящее дыхание. Смотрела на его морщинистое лицо землистого цвета, плотно сжатые тонкие губы. В блёклых глазах меркли слабые огоньки надежды.

— Вам не место в Зволле, милая госпожа Руз, — сказал он неожиданно твёрдым властным голосом. — Я снова предлагаю вам и госпоже Маргрит, — повернул голову в её сторону, — поехать со мной в Амстердам. Как и говорил, не стану вас ни неволить, ни связывать словом. Лишь помогу снять дом и ссужу достаточную сумму под низкие проценты для любого вашего начинания. Пожелаете — откроете кофейню либо займётесь похоронным делом.

Сделал паузу, выжидая, зорко следя за реакцией собеседницы.

— Не стану вам навязывать себя, — горделиво вскинул подбородок, отчего усы встопорщились, а бородка-клинышек стала похожа на клюв мифической птицы. — Вы молоды, хороши собой, рассудительны. У вас блестящее будущее.

Мысли Ники понеслись в заданном направлении.

Бесспорно, большой город с его немалым населением откроет перед ней огромные возможности. Будет где развернуться, открыть одну кофейню, другую... Она не будет вынуждена стоять за прилавком, обслуживая посетителей, станет истинной хозяйкой сети кофеен. Станет свободной и богатой. Очень богатой.

«Так не бывает!», — думала девушка лихорадочно. Есть что-то, о чём она не догадывается. Что? В чём подвох?

— Ответить следует сейчас, — услышала она требовательный голос банкира.

Повисла пауза: глубокая, напряжённая, искрящая.

Ника знала ответ.

«В Амстердаме не будет Ван дер Меера!» — облилось сердце кровью.

Всё дело в нём! Не будет его — желанного мужчины, связанного по рукам и ногам цепями брака!

Знала и другое: Кэптен никогда не станет ни её возлюбленным, ни мужем. Размечталась!

Госпожа Маргрит в ярких красках расписала перспективу дочери на ближайшее десятилетие.

«Ирония судьбы», — мысленно усмехнулась Ника. Анника будет счастлива, живя со своим мужчиной, воспитывая их общего ребёнка и занимаясь сыроварней, одновременно обрекая своего настоящего мужа на безбрачие. Если Кэптен когда-нибудь решится на гражданский брак и у него будут дети, то он ни при каких обстоятельствах не сможет дать им своё имя. Сын Анники — бастард — вырастет и станет претендовать на имя Ван дер Меера. Получит титул, положение в обществе, состояние.

Ника передёрнула плечами: «Обяжет ли суд Аннику жить под одной крышей с законным мужем? А если она к тому времени родит ещё одного ребёнка от сыродела? Как в таком случае поступит Ван дер Меер?»

Девушка не стала думать, что при таком раскладе произойдёт с ней самой. Поразмышляет на эту тему в другой раз.

Её ответа ждали.

Геррит ван Ромпей не спускал с неё тяжёлого, давящего взора.

Со стороны госпожи Маргрит не слышалось ни шороха, ни вздоха.

Ника избегала смотреть на мужчину.

— Мне жаль, — сказала тихо. — Простите, что невольно дала вам надежду.

Мама передвинула чашку; зазвенело блюдо.

Банкир ответил не сразу.

— Что ж, так тому и быть, — сказал он бесцветным голосом. — Напоследок, милая госпожа Руз, позвольте порадовать вас безделицей, с позволения так сказать, в знак моего искреннего восхищения вами.

Он достал из внутреннего кармана кафтана бархатный мешочек и вручил Нике:

— Вещица простенькая, но для вас крайне необходимая. Поверьте, сей дар вас ни к чему не обязывает.

Девушка отрицательно покачала головой, собираясь отказать от подарка, но Ван Ромпей опередил её.

— Не откажите старику в малости, милая госпожа Руз, — заключил её ладонь с даром в свои ладони, не дав ей вернуть его. — Доставьте мне удовольствие напоследок побаловать вас.

Ника со вздохом вскинула брови и растянула шнурок на бархатном мешочке.

На её ладонь выпали золотые часы-луковица с крошечным заводным ключиком на узкой розовой шёлковой ленте. Не просто часы, а ювелирное украшение, символ статуса, демонстрирующий богатство и изысканный вкус владельца.

От восторга девушка затаила дыхание.

Назвать вещицу скромной не поворачивался язык. Стоили часы, судя по их виду, немало. Видела похожие у госпожи Сникерс, только те были серебряные, крупные, с виду простые.

Несмотря на изящество, они оказались довольно тяжёлыми. Тонкая крышка с цветочным ажурным венком открылась легко, на циферблате отчётливо проступали римские цифры.

«Одна часовая стрелка?»* — обратила внимание Ника на отсутствие минутной стрелки. Необычно, но привыкнуть можно.

— Помните о скоротечности времени и бренности нашей жизни, — голос банкира прозвучал глухо и трагически.

Девушка закрыла крышку:

— Спасибо за подарок, господин Ван Ромпей. Я всегда буду помнить вас, — в порыве обняла мужчину, поцеловала в щёку. Заметила, как в уголках его глаз блеснули слёзы.

— Ещё чаю, господин Ван Ромпей? — заметно волнуясь, встала хозяйка дома.

— Откажусь, госпожа Маргрит. С вашего позволения откланяюсь. У меня намечена встреча.

Мама проводила гостя к выходу.

Ника следовала за ними, любуясь часами.

— Вы остановились в гостевом доме господина Киккерта? — спросила госпожа Маргрит. — У меня к вам есть дело, которое требует безотлагательного решения. Дозвольте навеститься к вам после полудня или... когда вам будет угодно?

Банкир бросил прощальный взор на дочь хозяйки дома:

— Приходите после полудня, госпожа Маргрит. Всегда рад вас видеть.

Пронзительно звякнул дверной колокольчик.

Мама закрыла дверь на замок и порывисто повернулась к дочери.

— Глупая... маленькая глупая девочка, — выдавила из себя глухо. — Ты не моя дочь.

— Потому что не ищу во всём выгоду? — Ника прошла мимо неё, направляясь в кухню. — Если господин Ван Ромпей сегодня предложит вам стать его женой, вы согласитесь?

Ответа не ждала. Он ей не нужен. Бросила на ходу:

— Ухожу к горшечнику лепить пивные кружки, — вышло резко, с раздражением. — Вернусь к обеду. Или позже.

— Ты ходила к Де Йонгам? — догнал её гневный голос женщины. — Зачем?

Ника замедлила шаг.

«Дэниэл де Йонг», — быстро сориентировалась она. Такого имени художника золотого века нидерландской живописи она не помнила.

— Как приняла тебя старуха Лейфде? — лицо госпожи Маргрит исказила презрительная гримаса. — Впустила в дом? — голос сочился ядом.

— С чего бы ей меня не впускать? — остановилась девушка, поворачиваясь к женщине. — Это у вас с ней натянутые отношения. Ко мне она отнеслась... душевно, собиралась чаем напоить.

— Натянутые отношения? — скептически хмыкнула мама. — Ты это так называешь? Быстро запомнила, кто повинен в смерти твоего отца.

У Ники пересохло в горле — приоткрывалась завеса над ещё одной семейной тайной.

— Не забыла. Только до сих пор не уверена в правдивости услышанного, — сказала наобум.

— Мальчишка похож на твоего отца, — госпожа Маргрит побагровела от негодования. — Нос, губы, подбородок... походка. Не разглядела? Жалкий изменщик, прелюбодей! — выплюнула злобно.

— Дэниэл мой брат? — оторопела Ника, сжимая во вспотевшей ладони часы-луковицу.

Мама сложила руки на груди, усмехнулась:

— Запомнила, дочь?

Девушка не ответила. Плохо, когда не знаешь, да ещё забудешь... Вспоминала, зачем идёт в кухню.

Хенни стояла у разделочного стола, опёршись руками о столешницу. Увидев хозяйку, торопливо бросила в миску с водой большую выпотрошенную рыбу.

— Ты знала, что Дэниэл мой брат? — спросила Ника, озираясь, вспоминая, что собиралась здесь взять.

Знала, что служанка не могла не подслушать разговора с банкиром, не могла не слышать последних слов госпожи Маргрит.

— Все знают, — ответила Хенни, не поворачивая головы, перекладывая на доску вымытую рыбу, нюхая её.

Ника остановила глаза на эскизах столовой посуды, лежавших на подоконнике. Вот за чем шла — за ними!

— Ухожу, — сообщила она, скручивая листы в трубку.

— Ой, погодите, — спохватилась служанка. — Я пойду с вами.

— Не нужно. Дорогу я знаю, не заблужусь. Хватит меня водить за руку и опекать! — повысила голос.

Отряхнула низ платья, надела чепец, заимствованный у Хенни, убрала под него волосы. Ворчала:

— Кому интересна простая прислуга? Брать у меня нечего. В кошеле мелочи впритык. Едва хватит, чтобы заплатить лекарю за осмотр.

— Я приду за вами к горшечнику, — услышала в спину голос Хенни.

Не оборачиваясь, следуя по коридору, Ника крикнула:

— Оставьте меня в покое! — на ходу закладывала бархатный мешочек с часами в кошель. — Отстаньте от меня! Все! Все отстаньте!

** Первые карманные часы, ставшие предметом роскоши, разработаны в Нюрнберге в 1510 году. Их отличительной особенностью стала заводная пружина. Маятник как регулятор погрешности был изобретён в 1657 году. Минутная стрелка появилась в 1680 году.*

Геррит Доу (1613 — 1675) — голландский художник и рисовальщик

Картина «Натюрморт со свечой и часами», 1660 год

Глава 11*

Она запыхалась, покраснелась. Поняв, что идёт слишком быстро, осмотрелась и замедлила шаг. Шла к лекарю.

Думала.

Не понимала, что её так расстроило? Разумеется, ничего хорошего нет в том, что отец Руз изменял госпоже Маргрит. Но вправе ли Ника судить его?

Она ничего не знает о Лукасе ван Вербуме. Не знает о его отношениях с женой, сыном и дочерью. Не знает, что происходило в их жизни до его смерти и после. Не знает всего того, из чего состоит жизнь отдельно взятого семейства.

Сомневалась.

Если бы в семье царили любовь и согласие, разве бы Якубус стал таким? А Руз? Как она вела себя по отношению к отцу? Оправдывала его или порицала?

Её отец любил другую женщину и имел от неё сына. Живи он в двадцать первом веке — развёлся бы с женой и стал счастливым. Госпожа Маргрит тоже нашла бы своё счастье с другим мужчиной.

Поднятая госпожой Маргрит тема о невозможности разводов в этом времени многое объяснила.

«Наглядный пример, ничего не скажешь», — вздохнула Ника, прокрутив памяти разговор с мамой относительно нерасторжимости брачного союза.

Отец Руз умер от болезни сердца — так значилось в документе. Инфаркт после скандала? Наверное. Не верилось, что госпожа Маргрит с её характером молчаливо страдала и плакала в подушку.

Что думала Руз, когда узнала правду об отце? Как принял весть Якубус? Уж не он ли приложил руку к смерти отца? Он мог.

Что или кто стал причиной смерти главы семьи, Ника докапываться не будет. Мужчину не вернёшь, как и мать Дэниэла.

В приёмной лекаря девушка прождала недолго. Держа двумя пальцами пузырёк с коричневой жидкостью, старец разъяснял покупательнице, как правильно пить настойку.

Ника наблюдала за его малолетним учеником, который горделиво и сосредоточенно измельчал высушенные корешки в каменной ступке.

Снова думала.

Свыкалась с мыслью, что теперь у неё есть младший брат. Братишка... Спокойный, дружелюбный, талантливый и очень симпатичный. Поймала себя на том, что улыбается. Вспомнить о Дэниэле оказалось приятно. Не помнила, чтобы когда-либо мечтала иметь брата или сестру. Всегда умела занять себя. Ей было комфортно находиться в одиночестве.

Лекарь отпустил покупательницу и ощупал голову Ники. Заглянул в её глаза, зачем-то сказал открыть рот и высунуть язык. Удовлетворившись увиденным, заключил, что рана закрылась и приходить госпоже ещё раз нет нужды. Плату за осмотр не взял.

Пока Ника шла в гончарную мастерскую, приняла решение: как бы ни складывались её отношения с госпожой Маргрит, она не станет отталкивать от себя Дэниэла. Он не виноват, что родился вне брака. Отец Руз умер, а значит, на долю в наследстве парень претендовать не станет. Да и на что претендовать? Невооружённым глазом видно, что госпожа Лейфде богаче Ван Вербутов.

Горшечник приготовился к приходу заказчицы. У малого гончарного круга в корыте накрытый мокрой холстиной лежал толстый пласт красной глины; на рабочем столе разложен инструмент.

Старший мальчишка-подмастерье заканчивал выкручивать глубокое блюдо. Младший ученик перетирал в крошку спечённую глину.

«Готовит шамот*», — поняла Ника.

— Не передумали связываться со мной, уважаемый мастер? — поздоровавшись, спросила она, направившись к столу у окна. — Откажите сразу. Будет обидно потратить время впустую.

Щурясь, мужчина наклонил голову к плечу, подивился на госпожу в простом платье и чепце. Строго заговорил:

— Сами-то сдюжите? Коль уверены в своих силах и готовы помочь, договоримся о цене и сроках исполнения вашего заказа.

Ника раскладывала на столе эскизы:

— Заключим письменный договор, где всё и пропишем. Если подведёте меня — выплатите неустойку. Таково моё условие.

— Выплачу... что? — уточнил горшечник настороженно.

— Штраф за срыв сроков, прописанных в договоре.

Мужчина огладил бороду:

— У меня есть своё условие: станете мешаться — в мастерскую больше не впущу, найму помощника. Отдай госпоже свой передник, — кивнул ученику. — Показывайте, что принесли.

Девушка показывала и рассказывала:

— Сейчас я изготовлю такие вот большие и маленькие плоские тарелки, менажницу, блюдо для печенья и закусок, чашки с блюдами и ложечку. Видите, они разные. Вы выкрутите парочку соусников и две пивные кружки. Размеры прописаны, — указывала на соответствующие эскизы. — Если останется время, то изготовлю светильник и два подсвечника. Завтра на кружки нанесу рельефный рисунок. Ещё мне нужна большая миска со сливным отверстием и... — положила перед горшечником эскиз рукомойника, — вот такой бочонок. Из белой глины. Ничего сложного для вас нет, правда?

Какой уважающий себя мастер признается в непрофессионализме?

Гончар вздохнул и почесал затылок:

— Мудрёно изобразили. А вот это блюдо внутри с переборками для чего нужно?

— Менажница, — уточнила Ника, — поделена на секции. В каждой из них будет лежать различная еда. Сюда, например, положим жареные куриные крылышки, сюда сухарики, сюда сырные палочки или что-нибудь другое. В центре или сбоку поставим маленький соусник.

— Зачем делить блюдо переборками?

— На секции, — поправила девушка. — Чтобы еда не смешивалась и выглядела аппетитно. Красиво же, — посмотрела на мужчину с немым вопросом: «Что непонятного?»

Мастер вскинул кустистые брови, поправил широкую повязку на лбу и, молча, указал заказчице на гончарный круг с рабочим столом.

— Сегодня мне круг не нужен, — предупредила Ника. — Буду работать с пластом глины и лепить из кома.

Она пощупала подготовленную к работе массу — пластичную и жирную, просмотрела небольшие деревянные дощечки разных размеров, скалки для раскатывания, мягкие тряпки.

Перебрала стеки — ножички и палочки для лепки мелких деталей, шило, тонкую струну. Набор сочла скудным. Не было всех тех штучек и канцелярских мелочей, оставлявших интересные отпечатки на поверхности глины при вдавливании.

«И долго ещё не будет», — подумала невесело.

— Белую глину заказали? — уточнила у мастера.

— Привезут через два дня.

— Фритту тоже заказали?

— А как же, — присматривался к высокородной гостье.

— За это время успеем изготовить пивные кружки и менажницы. Если собираетесь привлечь помощников, — глянула в сторону мальчишек, — то пусть идут ко мне и смотрят, как и что я делаю. Надеюсь, на ближайшие две недели мой заказ станет для вас приоритетным.

Посмотрев на уставившегося на неё мастера, пояснила:

— Вы уделите ему всё своё время, не так ли? Если есть другие заказы, отложите их на потом.

— Какие другие, — пробурчал мужчина. — Поспеть бы исполнить ваш заказ в срок. Штраф мне не нужен. Янс, иди сюда, — позвал старшего подмастерье. — Будешь...

— Слышал, — прогундосил тот простуженным голосом, отходя от стеллажа, куда поставил готовое блюдо.

— Ты тоже иди сюда, — позвал младшего мальчишку. — Ложки лепить будешь.

Ника закатала рукава.

Пока помощники изучали эскизы, она обследовала малый гончарный круг. Села за него, поставила ногу на маховик, подтолкнула, приспособливаясь к движению, выбирая подходящий ритм.

Непривычно, неудобно, в диковинку.

Сложно работать одновременно руками и ногами. Туфельки не выдержат нагрузки. Механизм придётся вращать кому-то из мальчишек. Но это будет не сегодня.

Нике всегда нравилось работать руками. Помнила, как училась выкручивать горшки. У преподавателя они получались легко, играючи. Казалось, ничего сложного в лепке нет, но на самом деле требовались предельная точность и сноровка.

В первое время с центровкой заготовки на круге у Ники выходило плохо. После нескольких оборотов полуфабрикат соскакивал с рабочей поверхности, края рвались, стенки проваливались. Приходилось начинать сначала.

Наблюдала за горшечником, который не тратил время впустую: вдавил шарик глины в центр гончарного круга, прижал его посередине большим пальцем и, вращая механизм, медленно, равномерно расплющил.

Под привычную монотонную музыку круга у мастера рождалось изделие. Вначале мокрое и неказистое, как всё рождённое в первые минуты жизни, под ласковыми и уверенными движениями ладоней и пальцев оно распускалось как цветок.

Сегодня гончар изготовит кружки, а завтра Ника на них, слегка обсохших, сделает декор.

Она взяла ком глины, размяла, отбила, придала ему форму блина, раскатала. Чтобы толщина пласта была равномерной по всей длине, подобрала две рейки одинаковой толщины. Они станут направляющими при раскатке. Положила подготовленный пласт между ними и прокатала его скалкой по несколько раз с двух сторон. Приём известный, но, как выяснилось, не для местного горшечника. Он замедлил вращение круга, с видимым одобрением присматриваясь к работе гостьи. Заметив её внимание, закивал на готовую пивную кружку:

— Посмотрите, госпожа Руз, такая сгодится? Ручка не большая?

— Быстро вы кружку выкрутили, — подивилась Ника.

Подержала её в вытянутой руке, не спеша, придирчиво осмотрела. Оценила:

— Отличная работа. Для мужской руки в самый раз будет.

Подмастерье и ученик зашушукались, толкая в бока один другого:

— Я же говорил, что она не сбежит, останется.

— Это не ты сказал, а я. Ты говорил, что уйдёт.

— Может, ещё и уйдёт.

Ника усмехнулась:

— Эй, спорщики, найдите-ка мне миску с ровными краями вот такого размера, чтобы обрисовать, — показала диаметр будущей менажницы. — Шликер готовьте.

Шаманила над плоской тарелкой с вертикальными бортиками:

— Учитесь, пока я живая.

Мальчишки притихли, впитывая новые знания.

Дело спорилось. На глазах появлялось ранее невиданное изделие.

Янс принялся изготавливать ручки к пивным кружкам, а младший пацан остался с Никой.

— Вот таких менажниц нужно изготовить десять, — сказала она ему. — Тебя как зовут? — мазнула пальцем по кончику его носа.

— Маркус, госпожа, — он смешно наморщил нос и нахмурился.

«Знакомая реакция», — улыбнулась девушка.

— Скоро вы это слепили, — грязный палец указал на менажницу. — А тарелки тоже будут такими?

— Тоже, только без секций. Отнеси на стеллаж, — передала готовую менажницу. — Сейчас изготовлю ещё одну с четырьмя вытянутыми закруглёнными секциями и круглой секцией в центре для соусника. Чтобы ты не стоял без дела, лепи ложки.

Из небольшой полосы Ника с удивительной ловкостью слепила чайную ложку. Если навыки рисования пришлось восстанавливать в течение недель, то лепка Неженке далась сразу, будто Руз всю свою недолгую жизнь только этим и занималась.

— Просто, правда? — следила за руками Маркуса. — Главное, слепить черпало чуть вытянутое, в меру глубокое, а черенок не должен быть слишком толстым и коротким. Ответишь, почему? — с улыбкой смотрела на мальчишку.

Не дождавшись его ответа, разочарованно вздохнула:

— Плохо. Иди изучать эскиз повторно.

В чём крылся подвох, Маркус сообразил быстро:

— Ложка будет вставляться в дырки в ручке черпалом кверху и стоять? Зачем?

— Удобно и необычно, — хмыкнула Ника. — Как имя вашего наставника? — спросила заговорщицким тоном, косясь на мужчину, закончившего выкручивать шестую кружку. — А то он мне не представился, а я не спросила.

— Мастер Губерт, — прошептал Маркус. — Он самый лучший горшечник в Зволле.

— Согласна, — девушка дала помощнику кусочек глиняной полосы. — Лепи ложку. Таких нужно изготовить три десятка. — Уточнила: — Пятнадцать из белой глины и пятнадцать из красной. Столько же больших и средних ложек. Ручки к чайным кружкам должны быть с отверстиями как на эскизе.

Ника раскатывала пласт для очередной тарелки и наблюдала за младшим учеником. Как он увлечён работой, как старается, как хочет ей понравиться.

Горшечник набрал глины для дальнейшей работы и задержался у стеллажа с менажницами. Выглядел довольным.

— Скорая вы на руку, госпожа Руз. Кто учил вас гончарному ремеслу? — глаза прищурил, в усах затаилась улыбка.

— Один хороший человек, — ушла от ответа Ника.

Сочинять небылицы не хотелось, как и говорить правду.

Мастер понял, замолчал, и девушка посетовала:

— У вас совсем нет инструмента для резьбы по глине. Даже простенького гребешка нет.

— Зачем он мне? Мои горшки и так хорошо покупают.

Ника не стала переубеждать мужчину. На первых порах она обойдётся без скребков для выравнивания поверхности сосудов. Изготовить их, как и расширить набор стеков-петель, дело пустячное.

— Признайтесь, мастер Губерт, думали, что я побоюсь ручки в глине испачкать? Или окажусь неумёхой? — напрашивалась на похвалу.

— Подумал... было дело, — по пути к гончарному кругу мужчина заглянул в приоткрытую печь, потрогал кирпич и перешёл к делу: — Соусников сколько крутить?

Похвалы от мастера Ника не дождалась. Буркнула:

— *Скупердай*, — и громко сказала: — Два десятка. Кружек тоже по два десятка каждого вида.

— Распишите, чего сколько нужно, что надо выкрутить из белой глины, что из красной. Какие тарелки и чашки надлежит покрыть глазурью, какие следует молочить. Распишите на одном листе. Не с руки мне каждый раз смотреть ваши рисунки.

Ника улыбнулась — знала, что он согласится:

— Вы готовы уже сейчас определиться с ценой? — Напомнила: — Срок — две недели. Отсчёт идёт с сегодняшнего дня.

— Пишите, госпожа Руз, всё пишите.

— О предоставлении мне скидки помните?

— Пишите, что будете делать сами.

— Завтра принесу договор, — улыбка не сходила с её лица.

Мастер вздохнул:

— Штраф сколько пропишете?

— Пять процентов от стоимости заказа за каждый день просрочки.

Заметив, как горшечник напрягся и его глаза вмиг стали колючими, поспешила его успокоить:

— Однако вижу, что с вашей скоростью работы я не буду разочарована результатом, и до штрафа дело не дойдёт. Вон, какие у вас помощники.

Подмастерье и ученик переглянулись и усерднее взялись за дело.

Работа закипела с новой силой.

Мастер Губерт выкручивал пивные кружки, не выпуская из виду необычную заказчицу.

Мальчишки лепили ложки и ручки. Охотно помогали госпоже: разминали комья глины, отбивали, формировали «блины», засматривались на изделия, выходившие из-под её рук.

Ника помнила, как работала с глиной, расслаблялась, снимала нервное напряжение, получала массу положительных эмоций. Этот раз не стал исключением.

Она разминала глину и чувствовала, как отвлекается от окружающего мира, успокаивается, сосредотачивается на своих внутренних ощущениях. Не напрасно по терапевтическому воздействию гончарство сравнивают с прогулкой по лесу или отдыхом на берегу моря. Общение с природой даёт силу, дарит состояние глубокого покоя и радости, спасает от усталости и эмоционального выгорания.

Особое удовольствие доставила девушке работа по изготовлению образцов чайных пар, которые она собиралась лепить из белой глины. Если глина будет эластичной и послушной, с низким содержанием песка, то посуда выйдет тонкой и изящной. Крупно повезёт, если после обжига она не станет грязно-белой.

В данном случае выбора нет.

Идеального белого цвета с наивысшей яркостью и нулевым оттенком на выходе не получится. В будущем научатся отбеливать глину путём добавления химических реагентов или окрашивать массу в желаемый цвет пигментами. Позже Нике поэкспериментирует с природными красителями, температурой обжига и температурой прокаливания пигмента. Сегодня у неё на это нет времени.

Девушка вышла на узкую пустынную улицу, показавшуюся тёмной и неудобной. Сюда редко заглядывало солнце. Пахло сыростью и горьким дымом. У стены соседнего склада, свернувшись калачиком, спала большая чёрная собака.

Ника не рискнула пройти мимо неё. Небольших собак она не боялась. Больших обходила стороной даже в присутствии их хозяев. Оглядываясь, поспешила в другую сторону. В поисках прошлогодней сорной травы осматривала просевшую у фундамента землю.

Созданный природой гербарий она нашла неподалёку от мастерской. Высокие растения с ломкими ветвистыми стеблями, засохшими остатками перисто-рассечённых листьев и двойными зонтиками соцветий идеально подходили для оттиска на глине.

** Шамот добавляют в глиняную массу для прочности, чтобы увеличить прочность готового изделия. Из такой глины изготавливают огромные вазы, скульптуры, панно, огнеупорный кирпич. Изделия менее требовательны к сушке, при обжиге выдерживают высокие температуры, лучше переносят уличные условия.*

Примерно такую посуду задумала изготовить наша героиня

Глава 12*

В этот раз Маркус не спросил, для чего нужна сухая трава. С неослабевающим интересом смотрел, как госпожа смочила сухие растения в воде, разложила на подготовленном тонко раскатанном пласте глины, накрыла кусочком влажной мешковины и прокатала скалкой.

Ника сняла ткань и принялась без спешки убирать растения.

Маркус нетерпеливо заёрзал, а госпожа улыбнулась:

— Сейчас аккуратно, чтобы не повредить фактуру, слепим чашку и прямоугольное блюдо. Представляешь, какая получится красота после обжига? А когда покроем глазурью, то...

— Я знаю место, где такого сушняка полным-полно, — взхлёб заговорил мальчишка, кивая на окно мастерской.

— Принесёшь завтра? Только постарайся не слишком поломать растения.

— А сколько вам их надо?

— Охапку, — не раздумывая, ответила Ника. — Видишь, для повторного использования растения не годятся. Можно подобрать похожие. Также подойдут маленькие прошлогодние листья клёна или дуба, молодые листья лопуха, акации, рябины, шиповника. Первоцветы. Ручку для чашки слепишь?

— С горошиной сверху?

— С горошиной, — усмехнулась девушка. — Для упора пальца.

Она не слышала, как сзади подошли мастер Губерт и Янс.

— Не видел никогда такого, — прогундосил старший подмастерье.

Горшечник вскинул брови, потёр бороду и ничего не сказал.

Ника погрузилась в работу с головой. Не заметила, как пролетело время. Когда в мастерскую вошла Хенни, искренне удивилась:

— Уже? — заканчивала изготовление прямоугольного блюда с неровными краями для закусок и печенья. Заглаживала с внутренней стороны проложенный в шов жгутик. — Подожди немного. Я скоро.

Рядом на столе стояли два подсвечника с основанием в виде верёвки, конец которой завязан в узел, и заготовка для светильника. В нём завтра Ника вырежет отверстия. Если подсвечники вызвали у мальчишек немой восторг, тог будущий светильник не понравился.

— Вы не видите, что он вышел кривой? — искренне удивился Янс.

— Кособокий, — разочарованно вздохнул Маркус.

— Так задумано, — мазнула Ника по кончику его носа. — Получится уникальная вещь. *Unique*, — повторила слово *по-французски*.

Девушка поработала бы ещё, но в кофейне ждут не менее важные дела. Намеченный план перевыполнен. Настроение превосходное — творческая работа доставила радость.

Госпожа мыла руки, а Хенни прошла к стеллажу.

— Это же не всё? — рассматривала пивные кружки, соусницы, менажницы, тарелки.

Ника сняла передник:

— Всю посуду увидишь дня через четыре.

Она простилась с мастером и мальчишками.

Оказавшись за порогом мастерской, ощутила усталость. Закололо между лопатками. Неженка Руз напомнила о себе разлившейся по телу тупой болью. Ника поморщилась и потёрла шею.

— У нас горе приключилось, — сообщила Хенни упавшим голосом. — Жакуй улетел.

— Не может быть, — не поверила Ника. — Как? Когда?

— Когда пришли господин банкир, госпожа Маргрит закрыли Жакуя в клетке в своём покое. После... как вы ушли к горшечнику, они вернулись, а этот ирод в перьях как-то сумел отпереть клетку и вылетел в окно. Госпожа Маргрит окно уж который день велит открывать. Я вот думаю, не Лина ли выпустила Жакуя? Выгнать её надо.

— Зачем ей выпускать птицу? — Ника задержала взгляд на Хенни. — Выходит, сегодня утром, когда я пошла к соседям, то видела Жакуя?

— Вы его видели? — замедлила шаг служанка.

— Сидел на заборе и лаял на собаку.

— Собака на него лаяла, — возразила Хенни.

Ника рассмеялась:

— Нет, он лаял на собаку. Я подумала, что это другой попугай, очень похожий на нашего Жакуя, а выходит, это он и был.

Хенни сокрушённо покачала головой.

— Вот же ж ирод в перьях. Госпожа Маргрит плачут. Жалко её, — проговорила уныло.

— Жалко, — согласилась Ника. — Жакуя тоже жалко. Попадёт в лапы кота и всё... была птичка и нет её.

Служанка не ответила. Судьба летучего сквернословца её не заботила.

Они вышли к каналу. На двери склада госпожи Маргрит висел замок, а у соседнего шла бойкая торговля. По перекидным сходам сновали грузчики, на сей раз переносившие тюки из склада в шлюпки покупателей.

На Хенни налетел пробежавший мимо мальчишка с большим узлом за спиной. Второй толкнул Нику.

— Разбегались, голозадые! — крикнула им вслед Хенни, грозя кулаком.

— Догоню, уши надеру! — поддержала её госпожа, охая, хватаясь за поясницу.

Только голозadых и след простыл.

Остался позади горбатый мостик. Покосившиеся дома бедняков с облупившимися фасадами сменились добротными домами старшин и богатых торговцев.

Проходя мимо лавки господина Лаанбергера с писчими и рисовальными принадлежностями, Ника свернула к входной двери.

— Подожди меня, — сказала Хенни. — Нужно купить кисти для... — осеклась.

Рука прошла по поясу, огладила бедро, вернулась назад. Кошеля на поясе не было.

— Срезали, — ахнула служанка, следуя беспокойным взором за рукой госпожи.

Та молчала, снова и снова безуспешно ощупывая пояс.

Положив ладонь на грудь, Хенни унимала участившееся дыхание:

— Денег много было?

— Мелочь, — проговорила Ника еле слышно. — И часы.

— Те, что поднёс вам господин Ван Ромпей? Из чистейшего золота? — Хенни закатила глаза и уцепилась в руку хозяйки, чтобы не упасть.

— *Жесть*, — прошептала Ника онемевшими губами, опираясь на верную служанку.

Недоумевала: «Как же так?» Она ещё не успела привыкнуть к тому, что у неё есть такая нужная вещица, не успела решить, оставит часы себе или продаст, чтобы на вырученные деньги обустроить ванную комнату. Оказывается, всё напрасно? Судьба отняла у неё возможность хотя бы чуть-чуть стать счастливее. Жалела себя. Хотелось разреваться в голос.

Хорошее настроение как корова языком слизала, уступив место отчаянию и злости на себя, бестолковую.

«Ротозейка!.. Лохушка!... Почему часы взяла с собой? Забыла, где находишься?» — корила себя за беспечность.

Не слушала слезливых вздохов Хенни, принявшую утрату госпожи близко к сердцу.

— Не говори госпоже Маргрит, — попросила Ника служанку. — У неё сегодня день тоже не задался.

— Разве можно не сказать? — удивилась та.

— А толку? — отмахнулась девушка. Еде сдерживала слёзы бессилия.

Оставшуюся часть пути женщины прошли молча.

Дом встретил гнетущей тишиной.

Вернув Хенни чепец, Ника направилась к лестнице.

— Есть вам в покой принести? — раздалось за её спиной. — Я всё приготовила, как вы велели.

— Спасибо, не приноси. Поем позже, — не оборачиваясь, ответила Ника.

Не расслышала, что прогудела ей в спину Хенни. Аппетит пропал вместе с настроением. Хотелось выплакаться.

Ника сняла платье, осмотрела его. Как ни старалась, всё равно испачкала в глине рукава. Низ пропылился, посерел. Для работы в мастерской отлично подошли бы штаны и рубашка. Только где их взять?

Смывала слёзы холодной водой. Обидно... Несправедливая жизнь.

У Ники никогда ничего не пропадало ценного. Вероятно потому, что настолько дорогого ничего и не было. Любила своё единственное золотое колечко — тоненькое, с крохотным рубином, которое надевала редко, под настроение.

У Руз тоже имелось единственное сокровище — серьги, подарок отца, и тех уже нет.

Ника поняла, что не знает, как выглядел отец Неженки. Догадалась, почему в доме нет его портрета. Госпожа Маргрит решила, что покойный муж не достоин её памяти.

Девушка изучала мокрое лицо Руз в отражении зеркала. Утром она была довольна тем, что видела. Сейчас резко подурнела: под глазами проступили синяки, уголки губ скорбно опустились, брови сошлись, глаза — невыносимо голубые, яркие — с трагическим выражением.

«Ничего, Нежное создание, прорвёмся. Пусть потеря часов станет самой большой утратой в твоей жизни», — грустно подмигнула отражению. Усилием воли сдерживала готовые прорваться слёзы.

Коротко стукнув в дверь, в комнату вошла Хенни.

— Хоть вы не велели, но я вам принесла поесть, — прошла к столу, заваленному чертежами и исписанными листами. — Куриные крылышки до чего вкусные получились. А пахнут как... — причмокнула смачно. — От запаха голова кружится. Глядишь, вы отведать пожелаете. Грех не отведать.

Ника промокнула лицо полотенцем:

— Госпожа Маргрит ушла?

— Ушли. Поели и ушли. Что бы ни случилось, у них всегда аппетит отменный. И вам бы поесть. Ну, срезали кошель и срезали, — Хенни тяжело протяжно вздохнула. Увидев испачканное платье, забрала его, перекинула через плечо. — Изводить себя голодом всё одно не следует.

— Не знаешь, по какому делу госпожа ушла к банкиру?

— Не сказали, — служанка бочком продвигалась к выходу. — Раньше говорили, куда идут и когда вернутся, а теперь перестали говорить. Так я оставлю еду?

Не дожидаясь ответа, Хенни торопливо выскользнула за дверь.

Куриные крылышки с рассыпчатым рисом, в самом деле, пахли головокружительно. Не менее аппетитно выглядели бульон с гренками, горячий чай с ромашкой и мятой, творожное печенье с изюмом.

Ника засмотрелась на бульон. Если добавить в него разрезанное пополам варёное яйцо с оранжевым желтком, пяточок моркови и украсить свежей зеленью, то блюдо получится не хуже ресторанного. А если подать его в красивой посуде, то...

Девушка подтянула лист бумаги и принялась рисовать бульонницу. Одну, вторую, третью...

За ними последовали эскизы предполагаемых изделий в качестве призов: пивная кружка и мыльница, курильница и оригинальный подсвечник, подставка под ложку и забавная округлая лягушка-копилка.

Мысли помчались дальше.

Одна рука потянулась к ложке, другая пододвинула мисочку с бульоном.

Что будет, если ввести накопительную скидку на покупку чашки горячего шоколада? Например, купил девять чашек напитка — десятую получи бесплатно. В качестве дисконтной карты вместе с каждой покупкой вручать жетон. Собрал девять жетонов, отдай их продавцу и получи товар бесплатно. Чем не стимулирование покупателя к покупке? Как отнесётся Кэптен к необычному предложению?

Ника не заметила, как съела всё, что принесла Хенни. Вкусно.

Мысли вернулись к изготовлению изделий из керамики. На них мастер Губерт, без сомнения, поставит личное клеймо.

Девушка задумалась. Рядом с его клеймом должен стоять и её отличительный знак. Мастер всего лишь исполнитель, а она не рядовой безмолвный заказчик. Она художник и вдохновитель. Если бы Ника работала сообща с гончаром, например, они объединились бы в артель, то клеймо было бы другое, совместное.

«Нужно своё клеймо», — пришла в голову неожиданная идея. Причём срочно. Ника знает, кто его изготовит из кусочка дерева — Гуго Дудес!

«А вдруг мастер Губерт заупрямится и откажется признать участие заказчицы в изготовлении посуды для кофейни?» — просочилось сомнение.

В таком случае, Ника не позволит поставить ему его клеймо на её посуду. Изделия предназначены для личного пользования, торговать ими она не собирается. Будь у неё своя мастерская с гончарным кругом и печью для обжига, она легко справится без мастера. Найти поставщика глины и фритты, как и нанять помощника, несложно. С рынком сбыта проблем не возникнет. Горшечник ей не конкурент. Разве сможет он придумать что-нибудь нестандартное, выдающееся?

«Пусть попробует», — усмехнулась девушка. Кроме примитивных безликих горшков, плошек и кувшинов на стеллажах в его мастерской ничего нет. Глазам зацепиться не за что.

Ника сложила эскизы и приступила к составлению договора. В него она включит пункт о клейме мастера.

В дверь постучали.

В комнату заглянула Лина:

— Госпожа Маргрит просят вас спуститься вниз.

Ника указала служанке на поднос:

— Посуду унеси.

Усмехнулась: «Спуститься вниз, подняться вверх».

Отложила ручку, выпрямила спину и расправила плечи — заработалась.

Мама сидела в полюбившемся и самом удобном месте в зале — у окна в VIP-зоне. Выглядела уставшей и отстранённой. Накрывала ладонью коричневый кожаный кошель. У Якубуса был такой же.

Девушка села напротив.

— Сочувствую, — сказала с искренним сожалением.

— Что? — не поняла госпожа Маргрит, настороженно уставившись на Нику.

— Жакуй, — напомнила она. — Обретя свободу, он лишился вашей любви.

Мама пододвинула дочери кошель:

— Возьми. Аванс за расчёты по похоронному бюро.

Ника взвесила его на ладони:

— Почему аванс?

— Господин Ван Ромпей купит расчёты при условии, что ты станешь рисовать для его заказчиков примеры надгробий и... как их... забыла, — в ожидании смотрела на дочь.

— Мемориальные кладбищенские комплексы, — подсказала Ника.

Женщина кивнула:

— Ещё гробы с двумя крышками.

— Двустворчатые, — поправила девушка.

— Разумеется, за дополнительную плату, — продолжила госпожа Маргрит. — Завтра господин Ван Ромпей представит договор, где всё пропишет. Ты ведь не станешь упрямиться?

Мама посмотрела на дочь с таким выражением, что Нике не потребовались слова. Весь её вид словно кричал: «Хоть здесь будь благоразумной!»

— Не стану, — Ника взвесила на ладони кошель с серебряными монетами. Знала, что женщина не продешевила. — Спасибо.

Госпожа Маргрит отвела глаза в сторону:

— За свои хлопоты я взяла суший пустяк. Мне необходимо купить большой бергамский ковёр* и несколько картин. Собираюсь преобразить оставшийся четвёртый покой и устроить в нём гостиную.

«А ещё сделать там дорогой ремонт, докупить недостающую мебель, а то и вовсе обновить, снова принимать гостей и вести беспечную светскую жизнь», — мысленно договорила за неё Ника. Вопросительно смотрела на женщину.

— Завтра я уезжаю с господином Ван Ромпеем в Амстердам, — снова заговорила мама. — Вернусь не ранее, чем через неделю.

— Вы надумали выйти за него замуж? — усмехнулась Ника.

— Что за нелепые домыслы? — щёки госпожи Маргрит вспыхнули маковым цветом. — Господин Ван Ромпей поможет мне продать кое-что из украшений.

Она многозначительно посмотрела на проём в кухню, где было подозрительно тихо. Встала, подошла к Нике и наклонилась к её уху:

— Если я по возвращении узнаю, что ты свершила нечто позорное, ты сильно пожалеешь, дочь. Полагаешь, что можешь за моей спиной творить, что тебе заблагорассудится? Не позволю.

От её низкого утробного голоса девушку пробрала дрожь.

Она повернула голову и уставилась на искривившийся рот женщины. Тихо ответила:

— Если вы имеете в виду Дэниэла, то...

— Не его, — оборвала та строгим шёпотом. — Мальчишка безобидный, а старуха Лейфде тем паче. Её время на исходе. В ней уж нет ни прежней силы, ни положения в обществе, чтобы повлиять на мою жизнь наихудшим образом. Пусть довольствуется тем, что осталось и благодарит Господа за каждый прожитый день. Я дождусь своего часа и тогда...

Госпожа Маргрит отстранилась, выпрямила спину и перекрестилась, а у Ники от промелькнувшей в её глазах злой решимости похолодело в душе. Что задумала женщина, уточнять не стала. Никому неизвестно, кто, кого и на сколько переживёт. Ника тоже собиралась жить в своём времени долго и счастливо, но... жизнь штука хрупкая.

— У тебя украли золотые часы, — холодно сообщила мама. — Пойдёшь и скажешь об этом господину старшему балли. Вещь дорогая, приметная. Не ходила бы как оборванка, глядишь, не посмели бы срезать кошель.

Девушка поморщилась. Её гримаса не прошла мимо внимания госпожи Маргрит.

— Пойдёшь к господину Волленвеберу и сделаешь, как я велю, — повторила она жёстко. — Сей же час. Пока ты находишься под моей опекой, будь добра беспрекословно исполнять мои указания.

Ника втянула воздух носом и задержала дыхание. Женщина собирается восстановить утерянный контроль над всем и всеми в доме. Что дало ей уверенность и силу? О чём она говорила и договорилась с банкиром?

— Вижу, я не вовремя, — в зал, здороваясь, вошёл Ван дер Меер. — Сейчас доставят оставшуюся мебель и светильник из стекла. Пришёл посмотреть, как будут его подвешивать. Есть сомнения.

Ника заметила, как он быстрым взглядом прошёлся по всем горизонтальным поверхностям в поисках Жакуя.

Госпожа Маргрит тоже заметила. Заметно погрузнела.

— Покидаю вас. Мне нужно подготовиться к отъезду, — сказала упавшим голосом. — Надеюсь, дочь, ты всё поняла верно.

Кэптен проводил её недоумевающим взглядом.

— Что-то случилось? Кто-то упокоился?

— Можно сказать и так, — протянула Ника, глядя в кухонный проём. Выкрикнула: — Хенни, чёрт бы тебя побрал! Просила же ни о чём не говорить госпоже Маргрит!

— Я не хотела. Само вышло, — раздалось приглушённое, жалостливое. — Чаю подать?

* *Бергамский ковёр — турецкий ковёр ручной работы, изготовленный в районе Бергама в провинции Измир на северо-западе Турции.*

Глава 13**

— И не только чаю, — ответил за хозяйку гость. — Вчера здесь мне была обещана вкусная трапеза.

Ника задержала глаза на мужчине. Ей нравилось видеть его в приподнятом настроении: серые, чуть прищуренные глаза светились живым умом и мягкой иронией, губы подрагивали в полуулыбке. Весь его вид выражал достоинство и спокойствие. Глядя на него, хотелось улыбаться.

— Хенни, неси чай и «Пивную тарелку»! — распорядилась девушка.

Ван дер Меер пристроил трость у спинки дивана, сдвинул в сторону накладку на сиденье и сел напротив компаньонки. Усмехнулся:

— Пивная тарелка? И пиво есть?

— Немного. Использовали для поджаривания крылышек.

— Что-то доселе неслыханное, — выгнул он бровь. Не спускал внимательных глаз с осунувшегося лица Ники. — Так кто упокоился? По кому скорбите?

— Походу, по Жаку.

Кэптен молчал в ожидании — снова её не понял.

— Жакуй улетел, — со вздохом пояснила девушка. — Думаю, недолго ему радоваться воле.

— Не печалься, Руз, — Адриан задержал взор на её заплаканных глазах, опустил на сложенные на столешнице руки. — Куплю другого. Скоро не обещаю, но недели через две-три будет у тебя такой же.

— Такого уж точно не будет, — хмыкнула Ника. — И не надо. Всё же без него спокойнее.

Она спрятала руки под стол. Выглядели они запущенными и неопрятными: кожа загрубела, ногти отрасли, кутикула подтянулась. Пора воспользоваться маникюрным набором, виденным в ящичке с духами.

В своей прошлой жизни девушка ни разу не ходила в маникюрный салон. За своими ногтями ухаживала сама: подстригала, подпиливала, полировала, покрывала бесцветным лаком.

— Госпожа Маргрит куда-то едет? — спросил Ван дер Меер, откинувшись на спинку дивана.

— Едет в Амстердам с господином Ван Ромпеем.

Так и хотелось дополнить: «Едет продавать награбленное Якубусом золото, найденное после его смерти».

Почему Нике не пришла в голову эта мысль, как только госпожа Маргрит упомянула о продаже драгоценностей? Личные украшения она без опасения может заложить или продать в Зволле, а вот сбыт краденого требует разумной осмотрительности. На вырученные деньги она сделает ремонт в гостиной, купит ковёр, картины, новую мебель и вернётся к прежнему образу жизни.

— Сегодня он приходил к нам с визитом, — постаралась выглядеть не слишком взволнованной. — Купил мои расчёты по похоронному бюро.

Ждала, что Кэптен скажет, что банкир приходил и к нему, но он молчал.

Всё-таки не сдержалась, спросила:

— К тебе не заходил?

— Заходил, — мужчина остановил глаза на кошеле. Усмехнулся: — От моей экономки знаешь, что старик предложил взять мне кредит в его банке и обещал вернуться за ответом?

Ника опустила глаза. Рассматривала текстуру дерева на столешнице:

— Пока наш договор не подписан, ты можешь всё переиграть и принять выгодные условия банкира. На полученный кредит купишь и снарядишь корабль в Ост-Индию. Быстро поправишь свои дела. Это тебе не кофейня, от которой отдачи придётся ждать не один год.

— Переиграть? — Ван дер Меер сузил глаза, вскинул подбородок; над переносицей залегла складка. — Слово-то какое подыскала мудрёное. Где ты их только берёшь?

Достал из внутреннего кармана полукафтана сложенные бумаги и небрежно, с толикой нервозности положил перед Никой:

— Читай, правь, если найдёшь что, переписывай и подписывай.

Из кухни вышла Хенни с подносом. Выставляя блюдо с закуской на стол, отчиталась:

— Положила всего понемногу. Госпоже Маргрит уж очень пришлось по душе куриные крылышки.

Ника осмотрела закуску:

— Луковые кольца не делала?

— Не получились, как только ни пробовала, — вздохнула новоиспечённая повариха. — Может, чего-то недостаёт?

— Недостаёт опыта, — усмехнулась девушка. — Будем его набираться вместе.

Хенни набрала воздуха в лёгкие и виновато вздохнула:

— Госпожа Руз, про часы я не собиралась говорить госпоже Маргрит, — засопела носом.

— Поганный мой язык. Простите меня.

— Какие часы? — Кэптен вопросительно поднял брови.

— Никак... — Ника не успела договорить.

Одновременно с ней кухарка выпалила:

— Которые украли сегодня.

Ван дер Меер чуть не подавился сырной палочкой.

Прожигая Хенни тяжёлым взглядом, девушка процедила:

— Пиво, которое осталось, принеси.

Надеялась, что упоминание о краже мужчина пропустил мимо ушей.

Не пропустил.

— Так что вышло с часами? — неспешно приступил к трапезе.

Ника ответить не торопилась. Взяла договор, развернула, пробежалась глазами по тексту:

— Когда идём подписывать?

— Завтра после полудня, — Кэптен забросил в рот ломтик картофеля фри. — Так что с часами вышло? — присматривался к рыбным крокетам.

Хенни вошла торопливо. Размахивая кувшином и высоким стаканом, на одном дыхании проговорила:

— Часы господин банкир госпоже Руз подарили. Золотые. Их и украли.

Ника не ожидала от кухарки подобной прыти.

— Хенни! — гаркнула на неё со злостью. — Расчёт получить хочешь?!

В третий раз кухарке говорить не пришлось. В дверном проёме мелькнул край её юбки.

— Простота хуже воровства, — пробурчала ей вслед Ника. Что ни говори, а слуги должны быть глухонемыми. Для их блага и блага хозяев.

Налила компаньону пива. Проследила, как он пьёт. Не пьёт — блаженствует, запивая куриные крылышки и сухарики. Сдержала улыбку. Когда он поднял на неё глаза, сказала:

— Господин Ван Ромпей подарил мне золотые карманные часы... на прощание... на память, — прозвучало как оправдание.

Ван дер Меер молчал. Ел и молчал.

Ника сочла нужным продолжить:

— Я положила их в кошель и пошла в мастерскую горшечника. На обратном пути собралась зайти в лавку купить кисти, а кошель на поясе не оказалось. Всё, — пожалала плечами.

— Кошель, случаем, не обронила?

— Срезали его. Я даже не услышала как. На Речной улице возле склада госпожи Маргрит шла торговля. Когда мы с Хенни там проходили, меня толкнул мальчишка.

— Меня тоже толкнул, — в проёме в кухню показалась кухарка. — Только другой. Двое их было. Один отвлёк, другой срезал.

— Как выглядели, помнишь?

Ника отрицательно покачала головой.

— А ты? — Адриан смотрел в сторону кухни.

— Голозадые все на один лик, что б у них руки отсохли.

Продолжая посылать проклятия в адрес отъявленных воришек, Хенни поспешно скрылась в кухне.

— Попробую на сей счёт что-нибудь разузнать, — бодро проговорил Ван дер Меер.

Ника не надеялась на возвращение дорогой вещи. Успела свыкнуться с её потерей, но преподанный жизнью урок усвоила. Смотрела, как не спеша и вдумчиво продолжает мужчина есть, пить пиво. Стряпню не хвалил, но по довольно сощуренным глазам было видно, что ему понравилось всё: и картофель фри, и куриные крылышки, и сырные палочки, и рыбные крокеты.

Когда он отодвинул от себя пустую тарелку, Ника не выдержала, спросила:

— Ну как? — ждала похвалы.

— Хорошо, — соизволил ответить он. — Спасибо.

— И это всё, что ты можешь сказать?

Кэптен удивлённо вскинул брови:

— Руз, я же сказал — хорошо.

— Если твоё «хорошо» означает высшую степень похвалы, то я соглашусь. «Пивная тарелка» в моём видении получилась обал... замечательная. Ты в здешних заведениях общепита видел что-нибудь похожее?

Ван дер Меер тяжело выдохнул:

— На каком языке ты изъясняешься? Порой мне кажется, что ты долгое время жила где угодно, только не в Нидерландах.

— Тебе не кажется. Так и есть, — ухватила Ника за предоставленную возможность излить душу. С замирающим сердцем ждала, что ответит мужчина.

Он укоризненно качнул головой и ничего не ответил.

— Ты веришь в переселение душ? — задумчиво спросила она. Глаза повлажнели, подёрнулись грустью.

Его напряжённый вопросительный взгляд побудил продолжить:

— Допустим, жил человек, жил, потом умер. Его душа отлетела, помыкалась по Вселенной, — Ника неопределённо повела рукой в сторону, очертила круг, — заняла тело другого умершего человека и продолжила жить в его обличье его жизнью. Причём помнила свою прежнюю жизнь.

Адриан смотрел в окно, за которым к их дому медленно приближалась гружёная мебелью подвода.

— Продолжила жить? Не понимаю, — мотнул головой. — Они же оба умерли.

Ника тоже смотрела на подводу. Напряжённо улыбнулась:

— Случилось чудо. Душа вселилась в освободившееся тело и возродила его к жизни. Бывает же так, когда очень хочешь жить, выживаешь даже в самых безнадежных случаях. Выживаешь вопреки всему, несмотря ни на что. Ты воевал, Кэптен. Неужели ничего такого не видел?

Ван дер Меер застыл, сосредоточенно глядя за спину компаньонки. Его глаза потемнели, стали бездонными; лицо побледнело.

Ника тихо проговорила:

— Было бы интересно наблюдать такое перевоплощение, не находишь?

Мужчина встряхнул головой, будто отгоняя внезапное наваждение:

— Руз, не морочь мне голову глупыми домыслами. Подобное невозможно, — встал. — Идём, мебель подвезли.

Ника еле поспевала за ускорившим шаг Кэптенем:

— Отдай мне Гуго, — придержала тяжёлый кошель, оттянувший пояс на платье.

Открывая входную дверь, Ван дер Меер слегка повернул голову в сторону компаньонки:

— Что значит отдай? — задержался на выходе.

Дверной колокольчик звякнул необычайно громко, неприятно.

Ника поморщилась:

— Пусть он работает у тебя один день в неделю, лучше — полдня, а у меня пять... с половиной. Воскресенье — выходной, как сегодня. У тебя в саду всё равно делать нечего, а здесь без Гуго, как без рук. Не нанимать же ещё одного работника.

— Сад нуждается в постоянном уходе, — не уступал Кэптен.

— Я тебя умоляю, — хмыкнула девушка иронично. — Взрыхлить землю, полить растения, подкормить их — работа не требует ежедневных изнурительных усилий. У тебя не запущенные бескрайние угодья, а вылизанный пяточок земли без единого сорняка — полоть нечего, — напирала, прожигая взором его спину.

Ван дер Меер вышел и повернулся к Нике. Она чуть не врезалась в него. Отступила.

— Ты спрашивала у него? Гуго согласился? — спросил мужчина.

Девушка посмотрела на садовника, разгружавшего подводу. Несмотря на выходной, тот пришёл помочь с разгрузкой и расстановкой мебели. Хенни крутилась возле него: снимала с телеги мешковину, что-то негромко ему говорила, проникновенно заглядывала в глаза.

— Не спрашивала, — ответила Ника. — О моём намерении предложить Гуго постоянную работу ты должен узнать первым. Не хочу действовать за твоей спиной.

Кэптен молчал, о чём-то думая. Прошёлся взором по лицу собеседницы, всё ещё припухшим векам, плотно сжатым губам. Крылья его тонкого носа раздулись; дёрнулся кадык.

— Что скажешь? — подгоняла его девушка с ответом.

— Спрошу у него, — Ван дер Меер прочистил горло покашливанием. — Если согласится, препятствовать не стану.

— Спроси сейчас, — настаивала Ника.

Компаньон осуждающе закивал и без промедления решил вопрос с Гуго.

От заманчивого предложения тот не отказался. Его лицо посветлело; губы растянулись в довольной улыбке.

Ника ликовала: в штате кофейни уже есть два сотрудника! Подсобницу Хенни подыщет сама. Может быть, приведёт подавальщицу-официантку.

— Не повредите полировку, — переключилась она на разгрузку мебели. — Где мой светильник?

Цепь оказалась длиннее расчётной.

— Не удаляйте лишние звенья, — распорядилась Ника, не зная, пригодится ли в будущем возможность опускать светильник ниже уровня столешницы.

Наблюдала, как Кэптен и Гуго выравнивают длину цепи с обеих сторон стеклянной полосы.

— Аккуратнее, не разбейте... Хенни, неси свечи.

— Те толстые, которые господин Ван дер Меер принесли? Они в кладовой.

Лина, наблюдавшая за происходившим со стороны, открыла перед ней дверь, пропуская в коридор.

Проходя мимо, Хенни намеренно задела горничную. Прикрикнула на неё сердито:

— Не мешайся под ногами! — и сдавленным от злости голосом добавила: — Иди отсюда. Лина не сдвинулась с места. Смерила соперницу высокомерным оценивающим взглядом:

— Ты мне не хозяйка, чтобы указывать, куда идти и что делать, — воинственно сложила руки под грудью и подперла плечом косяк.

— Ты воды наносила, травяной отвар сделала, ложе согрела? — не оборачиваясь, перечислила Хенни скороговоркой. — Не забыла, что госпожа Маргрит купаться будут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.